

ТЭСС МИХЕВИЧ
КОНСТАНЦИЯ

НО ПЛОТЬ ЕГО НА НЕМ БОЛИТ,
И ДУША ЕГО В НЕМ СТРАДАЕТ

Тэсс Михевич

Констанция

«Издательские решения»

Михевич Т.

Констанция / Т. Михевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857768-0

Она совершенно не помнила, как это случилось. Как так вышло, что она, маленькая хрупкая девочка, стала поглощать боль, словно какую-то вкусную еду? Ради собственного ли выживания она делает это, или ради удовольствия? Почему ее начал душить кислород? Пучина злого страха, дрожь в коленях, крик в горле и боль в легких — основное действие всего того кошмара, настигающего ее бедное существо.

ISBN 978-5-44-857768-0

© Михевич Т.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1 глава. И снова здравствуй, Фред	9
2 глава. Сплюшь и рядом	19
3 глава. Удовольствие	30
4 глава. Мрак и надежда	42
5 глава. Мелинда	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Констанция

Тэсс Михевич

© Тэсс Михевич, 2018

ISBN 978-5-4485-7768-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю Мелани Кроу, самой лучезарной девице моего сердца.

– Как вы можете почитать Бога, Который включил гниение зубов в схему мироздания? Зачем Он создал боль?

– Боль? – торжествуя произнесла жена лейтенанта Шископфа.

– Боль – очень полезный симптом. Она предупреждает нас об опасности.

– А кто сотворил опасности? – требовательно спросил Иосариан.

– Почему бы Ему не сделать дверной звонок, чтобы предупреждать нас о них. Мог бы и небесный хор задействовать. Или неоновые огни – голубые и красные, неоновые трубки на лбу у каждого человека?

– Люди выглядели бы глупейшим образом с голубыми и красными неоновыми трубками на лбу.

– Зато сегодня они смотрятся прекрасно, когда бьются в предсмертной агонии. Не так ли?

Джозеф Хеллер

Пролог

Колонна безмяннх ровным строем встала вдоль дальней стены огромного зала. Золотые орнаменты в стиле барокко ослепили глаза вошедшего *человека*.

Он обошел весь строй от начала до конца и остановился у самого последнего безмяннх, задумчиво скользнул по нему взглядом:

– Шаг вперед.

Безмяннх покорно приблизился к *человеку*, взглянул в его белые глаза:

– Тебя ожидают в зале сто семьдесят девять. Иди туда и жди дальнейших инструкций.

Безмяннх быстрым шагом пересек огромный зал и скрылся за дверным косяком.

Теперь *человек* прошел в центр помещения и, еще раз дотошно оглядев ряд белоснежных безмяннх, громко сказал:

– Нынешняя ситуация складывается плачевно как для нас, так и для мира, который мы все так горячо поддерживаем. Из всех тринадцати одухотворений одно оказалось *сломанным* и, увы, не подлежащем ремонту. Его нужно заменить.

– Но на кого? – спросил один из безмяннх.

Хмурый взгляд *человека* резко метнулся к говорившему.

– На человека, чья душа способна выдержать такую ответственность. Но! На роль одухотворения Боли сойдет далеко не каждая душонка, коих, прошу заметить, более семи миллиардов в мире. Предлагаете посвящать в наши дела каждую?

Безмяннх активно замотали головами, как будто открыто протестовали против такого развития событий.

Человек победно улыбнулся, отмечая, что все идет согласно плану.

– А как же преемник этого одухотворения? – спросил вдруг один из безмяннх.

– Этот глупец даже не успел обзавестись преемником, поэтому новое одухотворение выбираем мы, – будничным тоном изрек человек. – Так вот. Ваша задача – найти настолько потерянную душу, что при прикосновении к ней вас било током. Вы знаете, как бьет электрический ток?

Ряд белых безмяннх единогласно кивнул. «Коллективный интеллект» – отметил про себя *человек*. Все-таки, они вряд ли смогут работать поодиночке. Придется разбивать их на небольшие группы.

– Касайтесь каждого потерянного и оценивайте. Долго без Боли мы не протянем, а потому вы должны найти новое одухотворение как можно скорее. А теперь уходите! В зале сто семьдесят девять вас будет ожидать ваш новый командир. Он объяснит вам, что надо делать.

Подобно натренированной войску, безмяннх послушно развернулись и по цепочке покинули зал.

Как только комнату покинул последний, в двери влетел кто-то еще.

Человек заметил, как его отражение, точно такой же *человек*, стремительно сокращает дистанцию между ними.

– Мне приказано, – сказал вошедший деловым тоном, не требующим отлагательств, – притащить первое одухотворение – Боль – сюда.

– Скажи свой номер, – попросил *человек*.

– Триста двадцатый, сэр.

– О, да ты еще совсем зеленый. Имя?

– Анод, сэр.

– Отлично. Мое имя Вур, хотя, ты и так знаешь.

Анод кивнул, стеклянным взглядом уставившись куда-то мимо *человека*. Вур словно бы оживился, расправил плечи и вальяжно прошелся по роскошному залу, скользя взглядом по золотым расписным стенам.

– Ладно, води сюда этого... первого.

Анод кивнул и, резко развернувшись на пятках, стремительным шагом направился к выходу.

И сколько же еще Вуру придется искать достаточно хорошую замену одухотворению? Каждый, кто хоть однажды становился на место первого, абсолютно всегда терял над собой контроль. Последний вышел из роли особенно плачевно. Помимо других одухотворений, он задел невинных людей, наплел на их разумы эмоциональную паутину лжи и страха, отчего те поспешили спасти себя самоубийством.

Если бы не третье одухотворение – Удовольствие – возможно, жертв было бы в десяток раз больше.

Одухотворений всегда было тринадцать и, несмотря на неудачные опыты с первым, никто из солдат не собирался останавливаться, и каждый раз на эту роль приходилась еще одна потерянная душонка, которую необходимо было превращать, вживить в новую роль, так сказать.

С мясом и костями.

Двери вновь раскрылись, и вошла небольшая группа, ограничивающаяся шестью людьми, возглавлял которую сам Анод. Эти шестеро тоже являлись безмянными, но уже черными. *Они не вживляли людей в роль, они вытаскивали их из нее*. Они тащили прикованного цепями *сломанного*.

– Марк? – Вур обошел заключенного по кругу, осматривая его состояние. – Знатно тебя потрепали.

– Почему вы заковали меня в цепи? Что я сделал?

– Ты убивал людей, Марк. Покушался на жизнь третьего и десятого одухотворений – Удовольствие и Вину. Нам пришлось тебя нейтрализовать, иначе мир, который мы так пытаемся уберечь, пошел бы ко дну.

– Разве моя работа не заключается в том, чтобы причинять людям страдания? Почему вы не хотите, чтобы я убивал, если же сами положили в мои руки топор?

– Не в твоей власти, Марк, убивать людей, когда тебе вздумается. Для этого есть я, в конце концов.

– Но ты же не всегда убиваешь *справедливо*, верно? – его язык, словно змея, неприятно щекотал нервы.

– Я всегда убиваю согласно инструкциям, – холодно ответил Вур, сделав свое лицо абсолютно непроницаемым.

– Признайся, Вур, ты же сам частенько убиваешь людей ради собственной выгоды? К чему все эти прелюдии, если так оно на самом деле?

Человек внимательно взглянул в глаза Марка, в которых уже давно бесновался немного сумасшедший огонек. Вур подошел к Марку ближе, наклонился, чтобы их лица были на одном уровне.

– Ты – *сломан*. Любое твое слово является самой настоящей ложью, а все попытки вразумить либо меня, либо безмянных, считается попыткой переманить нас на свою сторону. Ты больше не имеешь силы ни в мире людей, ни в мире солдат, Марк.

При этом один из безмянных вдруг поднял голову и ненадолго задержал свой взгляд на лице Вура. Тот сделал вид, что не заметил этого.

Вур выпрямился, плотоядно улыбнувшись:

– Уведите его и утилизируйте. Он опасен даже после вашей обработки, господа, – сказал *человек*, отворачиваясь от Марка.

Золото на стенах сегодня сияло непомерно ярко.

За спиной Вура зашумели цепи.

– Нет, погодите. Я не хочу на утилизацию! – закричал Марк, пытаясь выбраться из кандалов.

Анод, который до этого стоял подобно мраморной колонне неподалеку, вдруг оживился. Отдал какой-то приказ черным безымянным, и все шестеро разом разошлись, натянув цепи до предела.

Марк больше не имел возможности двигаться и теперь беспомощно повис на цепях, удерживающих его.

– Толку от твоих стараний? – Вур вновь повернулся к нему. – Стараться нужно было тогда, когда ты все еще являлся первым одухотворением, а не сейчас, когда тебя решили утилизировать за плохое поведение. Сейчас нужно просто сдаться.

– Да иди ты к черту, Вур! Неужели тебя никогда не учили *прощать*?

Вур приподнял от удивления брови. Марк понял, что сумел задеть бесчувственного человека за живое и немного успокоился, когда тот стал медленно подходить к безымянным.

Но, как оказалось, напрасно.

– Нет, дорогой Марк, не учили. Уведите его уже, наконец.

Вновь загремели цепи. Шестерка черных безымянных ровным шагом направилась к выходу из зала, а их главарь, Анод, остался стоять на месте и с интересом разглядывать Вура.

– А сначала вы мне показались суровее, – просто сказал он, и, все также развернувшись на пятках, ушел за своим строем.

У самого выхода номер триста двадцать помедлил и, решившись, все-таки сказал:

– Возможно, утилизировать это одухотворение было неверным выбором с вашей стороны.

Когда двери за ним закрылись, *человек*, забывшись, пробормотал:

– Он все равно бы не справился с нападением Ронк.

1 глава. И снова здравствуй, Фред

Несчастливы лишь те, у кого нет цели.

Кассандра Клэр «Орудия Смерти»

Констанция не знала, чем же ещё могла помочь бедняге деревцу, которое вот уже несколько дней подряд беспощадно грызли насекомые. Ей бы очень хотелось вылечить его, сделать новым, плотным и гладким, но всё, что она могла сделать – это лишь забрать его боль себе.

Рассматривая изгрызенную кору, девочка напряженно размышляла, может ли дерево вылечить себя само. Но оно только молча скулило, а едкий запах боли распространился вокруг Констанции по всей поляне. Она жадно втянула этот едкий воздух, и вдруг ее кожу схватил сильный спазм. Она, скорчившись, обвила себя руками и попыталась нащупать место боли. Боль была везде: на руках, на ногах, на животе, на спине и на шее. Она железными обручами обвила тело и раскалила кожу докрасна; было больно и противно, было до слез жгуче, до слез неприятно.

На глаза выступили слёзы, и Констанция, поддаваясь этому ужасному чувству, заскулила. Конечно, скулила она лишь в душе. Её волосы, совсем недавно затянутые в аккуратный хвост, сейчас растрепались и зашевелились под холодным порывом ветра.

Констанция сквозь пелену слёз взглянула на дерево. Его продолжали грызть насекомые, – она это ясно ощущала, – но боли в нём больше не было, она осталась в легких девочки. «Этот процесс необратим», – подумала она, потирая болевшую кожу.

Теперь осталось лишь потерпеть. Она встала, всё еще сгорбившись и в мыслях поскуливая, а потом побрела в обратном направлении в деревню, где временно проживала. Как её приютили, для нее до сих пор оставалось загадкой, но всё же нужно быть благодарной своим спасителям.

Дышать сейчас было нельзя: кислород не должен проникнуть в легкие и заглушить боль, иначе Констанция лишится сознания. Нет, боль должна исчезнуть сама. Девочка не спеша перебирала ногами, глотая слёзы и подавляя стоны. Сейчас, вот-вот, боль пройдет, и всё кончится. Несмотря на то, что эту «процедуру» девочка делала уже сотню раз, её тело и разум всё так же не привыкли к этой боли, как будто она это делала впервые. Когда же это было?

Погодка сегодня была весьма ветреной. А ещё солнца было явно маловато. Лучи еле пробивались сквозь толстый слой облаков, серых, мутных. Хвостик Констанции сильно растрепался, но она и не думала его перевязывать, ибо боль сковала все движения.

Всё это случилось очень давно. Точно, конечно же, не сказать. Просто однажды Констанция проснулась с осознанием того, что стала самым необыкновенным человеком. Её способность заключалась лишь в том, что она могла поглощать боль других существ и оставлять её в себе, пока она не растворится. Такие перемены были ей не в радость, ибо постоянное осознание того, что тебе приходится поглощать боль других, при этом испытывая её на себе, было само по себе отвратительно.

Девочка теперь не сжимала руки и не горбилась, а просто шла, немного сутулясь. На её желтом платье утром была поставлена клякса, сейчас чернила растеклись, и выглядело это просто ужасно.

Пройдя еще немного, она поняла, что деревня уже совсем близко и видна очень четко. Сейчас все пройдет и придется поспешить, долго оставаться «голодной» нельзя.

Девочка все еще думала о дереве, о его незащищенности и о мерзких насекомых, атаковавших дерево, чтобы выжить. Можно ли их винить в том, что у них сработал инстинкт самосохранения? Конечно, нужно избавиться от вредителей. Но только чем? Настойки из трав подойдут, но разве кто умеет их делать в этой деревне? Придется искать другую, да только

кто знает, как далеко она расположена и есть ли травницы там? А дерево ждать не может, его через месяц-другой съедят насекомые и тогда никакая трава не поможет. Положение выходило скверное. Констанция рассматривала кляксу на своём платье. Она вновь писала понравившиеся стихи, строчки, слова из книг. Грамоте ее научил отец, так как считал, что каждый должен знать свой язык в совершенстве и не только уметь разговаривать на нем, но и писать, и читать. И вот сегодня, задумавшись о чем-то, Констанция уронила каплю черных чернил прямо себе на чистенькое платье. Надо бы его постирать, чтобы не выглядеть неряхой. Чернила вывести довольно сложно, но она что-нибудь придумает.

Сам по себе путь не занимал много времени, но Констанция зачем-то намеренно тянула его, плетясь по дороге и упорно смотря себе под ноги. Боль ещё не скоро отпустит её, а посему в деревню торопиться пока рано.

Когда боль немного отступила, Констанция попыталась перевязать волосы, но с удивлением обнаружила, что ленты нет на месте. Её красивая голубая лента где-то потерялась, и теперь волосы вынуждены остаться распущенными. С её чёрными локонами девочке было тяжело справляться, ибо они постоянно норовили запутаться или попасть на лицо. Постоянно их поправлять Констанция не хотела, поэтому перевязывала волосы красивыми лентами. Когда-то давно она попыталась их отрезать, но, к несчастью, под рукой не оказалось ножниц. Пришлось жить так и дальше.

Новое открывшееся обстоятельство подтолкнуло Констанцию ускориться и добежать остаток пути до деревни. Боль постепенно ослабевала, и когда девочка подобралась к деревне вплотную, боль отступила, и, поравнявшись с первыми домами, девочка вдохнула в себя свежий воздух.

Кто-то жарил курицу, причем едкий запах боли ещё витал где-то поблизости, уже растворённый кислородом и омертвевший. Что ж, не успела на курицу, успеет на что-нибудь другое. Её соседи как раз собирались сегодня резать поросёнка. Конечно, его бы пришлось застрелить, а мгновенная смерть дает очень мало боли, но что тут поделаешь? Ей хватит и этого.

Констанция прибавила шаг, почти бежала, втягивая носом воздух, ожидая чьей-то боли.

Она не была садистом или мазохистом, нет, просто это было частью её работы, её долга. Глотаешь боль, терпишь, терпишь, терпишь, боль испаряется, глотаешь новую. Это поддерживало её жизнь, это делало её сытой. И совсем не важно, нравилось ли это ей или нет, она не могла выбирать. Что-то пожелало сделать её своеобразным «избавителем» и Констанция уже приняла всё это как должное.

Она и сама не знает, когда это появилось. Связано ли это со смертью отца или с уходом матери? Можно ли это предотвратить? Было не понятно. Девочка просто списывала всё на расстройство организма. Констанция бродила уже чуть ли не час, а подпитки все не было. Мир вдруг разом перестал причинять себе боль, причинять ее друг другу. Все насытилось красками спокойствия и полного умиротворения. И ведь всем плевать, что единственный в мире человек, способный избавить от боли, поглотив её в себя, от такого спокойствия и стабильности может умереть.

Свежий воздух стал невероятно противным, Констанция закашлялась. Стоит ли задерживать дыхание? Когда-то она попробовала так сделать, потому что жгучее ощущение в лёгких намного противнее множества разных видов боли. Задержав дыхание всего на полминуты, она чуть не лишилась сознания. Это было хорошим, ясным уроком, который она запомнила. Со всей этой схемой она знакомилась столько, сколько себя помнит. Она заново училась питаться, дышать, да вообще жить; её тело претерпело изменения: кожа стала более чувствительной в кончиках пальцев и менее чувствительной в ногах и туловище, нос стал лучше различать запахи, появилась способность не дышать столько, сколько потребуется. Отчего такое с ней произошло, она понять никак не могла.

Внезапно нос учуял знакомые нотки боли в воздухе, и девочка стремглав побежала на этот манящий запах. Деревня здесь сужалась, дорога становилась широкой тропинкой, и Констанция, на бегу поправляя растрепавшиеся волосы, спотыкалась о кочки, проваливалась в небольшие ямы, но шагу не сбавляла.

Вот этот заветный дом, вот откуда так пахнет! Девочка тихо подбежала к окнам и стала смотреть в них. Там, на кухне, сидел человек, обхватив себя коленями. Сквозь грязное окно было плохо видно, какого возраста этот человек, но, в чём сомнений не оставалось, так это в том, что этот человек явно был мужского пола. Боль витала вокруг него, расходясь даже за пределы дома. Констанция попробовала вытянуть едкий воздух из дома, но выходил он очень туго, и она шепотом чертыхнулась.

Аккуратно, пробираясь по узкой тропинке, она прошла к фасаду дома и отыскивала глазами дверь. Внутри нее лёгкие уже сгорали от воздуха. Такое можно ощутить, когда тонешь.

Почти не слышно она открыла дверь и тенью прошла внутрь. Ей было сейчас наплевать на всё, нужно лишь аккуратно сесть рядом с проходом на кухню и вдохнуть в себя его боль. Нужно было сделать это бесшумно, чтобы объект не заметил её присутствия. Нужно поглотить как можно больше. Констанция присела, медленно оперлась ладонью о пол и аккуратно втянула носом воздух.

Тихо, практически бесшумно. Человек, сидящий на кухне, вздрогнул. Его голова поднялась, взгляд метнулся в проем двери. Констанция, почувствовав движения объекта, инстинктивно сжалась. Успеет ли она убежать? Всё-таки стоит попробовать. Девочка тихо встала, попятилась к выходу, прожигая взглядом проем на кухню, боясь увидеть человека, за ним сидящего. Дверь была близко, осталось только развернуться, побежать...

Рука задела что-то, предмет упал на пол, оставив после себя глухой, но достаточно громкий звук. Девочка, наплевав на осторожность, которую разрушила еще несколько секунд назад, понеслась к заветной двери, словно испуганная кошка. Лучи солнца дали ей повод успокоиться. Видимо облака слегка рассеялись. Внутри что-то давило, сжимало, душило горло, словно она полностью погрузилась в воду, оставив на поверхности только нос. Констанция, боясь увидеть человека, в дом к которому так бесстыдно пробралась, бежала, спотыкаясь и сбивая носки туфель. Желтое платье развевалось по ветру на пару с волосами, с которых не так давно соскочила лента. Искать её сейчас нет никакого желания, можно взять новую у соседки, доброй пожилой женщины, что занимается шитьем и непременно имеет очень ровные иглы, которыми периодически колется из-за слепоты, много лент на любой вкус. Остановилась Констанция только у своего временного дома. Теперь, душимая болью, она села на порог, и из глаз бесшумно покатились слезы, которые она периодически смахивала ладонью, покачиваясь из стороны в сторону.

Разум её был счастлив, а душа болела. Отчего, интересно? Этот человек ощутимо скучал по кому-то.

Она сегодня хорошо постаралась. Душевная боль проходит медленнее физической, а уж душевная боль человека – проходит еще дольше, и вообще, это просто удивительная находка. «Надо сходить за лентой», – подумала Констанция. Ждать, пока боль пройдет и идти, или лучше пойти сразу? Говорить будет очень тяжело. Констанция сжала кулаки. Ей немного осталось в этой деревне. Куда она направляется, не знает даже она сама. Её словно ведёт нечто, а тут, в этой деревне, заставляет остаться не на два дня, как обычно, а вот уже почти на неделю. Бедняга уже успела заметно натереть всем мозоли на глазах. Но её это не волновало. Она искала что-то, что её тут задерживает. Пока что подозрение падало на дерево. Посидев ещё немного и убедившись, что за ней не было погони, она хмыкнула в сердцах и встала. Собрала волосы набок и неспешно пошла к соседке, раздумывая, в чём заключается душевная боль этого человека. «Это точно была любовь, – выявила она. – Любовь с плохим исходом. Это... – девочка немного подумала, проверяя свою догадку, – Это чья-то смерть?». Отсюда станови-

лось понятно, почему грудь так остро наполняется чувством безысходности, а в голове мечется одинокое отчаяние.

Неожиданно, она вскинула голову и увидела знакомый домик, плохо ухоженный, но не выглядящий некрасивым. Окна были единственным в фасаде дома, что было чистым. Остальное покрывал мох и впитавшаяся в дерево грязь. Садик перед домом только-только начал зацветать, несмотря на разгар лета. Она недавно его посадила. Пробираясь сквозь заросшую тропинку, Констанция думала, кого предположительно этот человек мог любить. Человека? Животное? Она остановилась перед дверью. Главное, не дышать. Звуки можно производить с малым расходом воздуха. Она постучала. За дверью замешкались, а потом мягкой, но тяжелой поступью прошли к двери и вновь замешкались. Девочка напряглась.

– Кто там? – протянула старуха, подойдя к двери вплотную.

Констанция мысленно покарала себя за какую-то ещё не допущенную, но уже вот-вот случившуюся ошибку и сдавленно проговорила:

– Констанс.

Себя так называть было удобнее, ибо в основном её полное имя почти никогда правильно не выговаривали.

Голос старушка сразу узнала и она, уже не мешкая, отворила дверь, впуская Констанцию внутрь. Дома царил легкий беспорядок: угол ковра был завернут, словно его только что в спешке постелили; шторы были наспех приоткрыты, а может и наоборот, наспех закрыты; свеча потухла и, судя по обильному дыму, только что; на столике лежала раскрытая книга, явно только что прочитанная.

– Какими судьбами, Констанс? – спросила старушка, подходя к книге и бережно её захлопывая.

Девочка помолчала, разглядывая скучный, но уютный интерьер и так же скомкано про бурчала:

– Мне нужна... лента.

Старушка уже шла за ней, но всё-таки уточнила:

– Тебе для волос?

Констанция просто кивнула, не в силах выдать и слова. Ещё одно предложение, и запа-сённый воздух её покинет. Старушка скрылась на втором этаже, оставив Констанцию сидеть на лавочке и смотреть на остатки вытекающего дыма из потушенной свечи. Девочка разглядела ещё и одинокий, но величественный шкаф, окруженный поломанной ширмой. Ширма имела кремовый цвет и беспокойно, складками, лежала вокруг шкафа, взывая о помощи. Констанции даже показалось, что эта ширма тоже испытывает боль. Но предметам это несвойственно, так что надеяться тут не на что. Старушка вернулась сразу с тремя лентами – красной, синей и желтой.

– Вот, бери. Старайся больше не терять, ладно? – её глаза блеснули.

Девочка вновь кивнула, забирая теплые ленты и рассматривая их как произведение искусства. Жёлтую она сейчас же повязала на волосы.

– Нет-нет, погоди, позволь мне, – старуха встала позади Констанции и принялась играть с её локонами, перетаскивая их с места на место. Немного погодя зашуршала лента, и девочка встала.

– Отличная коса, – похвалила словно бы не себя старушка. – Тебе идёт.

Констанция улыбнулась и, собрав последние остатки воздуха, выдавила:

– Мне нужно средство от грызунов, которые едят дерево... – последнее слово соседке пришлось додумывать самой, ибо воздуха всё же не хватило.

Она задумалась, расхаживая по комнате. Констанция, наблюдая за ней, то и дело отскакивала в разные стороны, давая пройти.

– Травница Изольда поможет, – вскоре заключила она. – Она живет в пяти домах отсюда. Ближе к лесу.

Девочка кивнула и, обняв старуху в знак благодарности, поспешила уйти. Боль выветрится ещё не скоро, а воздух в легких кончился. Теперь придется притворяться немой. Она частенько прибегала к этой уловке, таская какую-нибудь книгу с собой в кожаной сумке. Сейчас этой сумки, как назло, не было под рукой. Пока она шла, всё рассуждала, кому принадлежит эта боль и эта любовь. Кто мог умереть у этого человека, кого можно так любить? Вероятно, это всё же человек. Если просто предположить, это мог быть кто-то из родителей, ведь... ведь боль, чёрт возьми, знакомая! Констанция как-то испытала такую боль, когда ей было совсем немного лет.

Какой это дом по счёту? Девочка обернулась назад, чтобы посчитать. Один, второй, потом вот еще один, она стоит напротив него... значит, еще два дома. Вывод этот заставил напрячься. Но, тем не менее, Констанция поскакала к этому дому, едва сдерживая улыбку. Но что она скажет, если у нее нет сейчас воздуха, чтобы разговаривать? И всё равно Констанция шла, обращая свое внимание на привычные дома, которые она проходит уже в сотый раз. Дом выглядел привлекательно, гораздо чище дома ее соседки и даже дома самой Констанции. Вокруг был разноцветный сад из различных растений. Они росли беспорядочно, не имея рядов и закономерности, но, несмотря на это, сад выглядел красивым и ухоженным.

Констанция прошла сквозь него, ощущая каждый листок своими ногами. Старалась не задевать такую красоту ни миллиметром своего тела.

Дверь была приятной на ощупь, приятной на вид; сам дом был цвета тёмного, кое-где стекло на окнах треснуло, где-то стекол и вовсе не было, оконные проёмы были заколочены досками. Такой потрёпанный, мрачный вид дома совершенно не гармонировал с ярким садом. Это разрушало всю интригу.

Раньше этот дом всегда оставался необитаемым для Констанции. Сколько бы она не проходила мимо него, сколько бы ни караулила, этот дом ни разу не открывал своих дверей. Никто ни разу не выглядывал оттуда, а уж тем более не выходил.

Три коротких стука и за дверью начали энергично шуршать. Констанция поежилась, отметила про себя, что не может и слова выдать и решила воспользоваться своей грамматикой.

Дверь открыла женщина средних лет с редкими мелкими веснушками, в основном на носу и под глазами. Констанция ожидала, что Изольда будет древней старушкой с завышенным чувством собственной значимости, глубокими морщинами и до жути противным голосом, но эти доводы оказались беспочвенны.

– Чего-то хотели? – приятный женский тембр заставил девочку онеметь в недоумении.

Она кивнула, заглядывая женщине в глаза и мысленно прося ее понять, что происходит.

– Ну, проходите, – травница попятилась, отступила и дала пройти Констанции внутрь.

Внутри было довольно тесно: большие тёмные шкафы, в которых может поместиться не одна и даже не две двенадцатилетние девочки, а целая дюжина таких, как Констанция; здесь, внутри, стены были светлее, чем снаружи и выглядело это весьма странно; рядом с крохотным окном была картина с девушкой и чёрными, отливающими фиолетовым, волосами. Констанция подошла к ней и окинула очень внимательным взглядом.

– Так чего же вы хотели? – травница Изольда мягко опустилась на табуретку и взглянула на стол, который расположил на себе ряды склянок и корешков каких-то растений.

Девочка, вспомнив, что не одна здесь, и от неё чего-то явно ждут, стала рыскать по комнате в поисках книги.

Книжный шкафчик был в противоположной стороне от её взгляда, и книг там было очень мало. Констанция, наконец, нашла его среди других вещей и вытащила оттуда самую большую и толстую книгу.

Это была книга о каких-то лекарствах, зельях, настойках и мазях. Открыв посередине, Констанция подошла к травнице и стала указывать пальцем ей на буквы. Водила быстро, Изольда не успевала прочитывать.

– Я н-е-м-а, п-о-э-т-о-м-у б-у-д-у р-а-з-г-о-в-а-р-и-в-а-т-ь с в-а-м-и т-а-к, – прочитала травница, удивленно поднимая глаза на девочку, посочувствовав ей в душе. – Чего же вы хотите?

Палец вновь указывал на буквы, теперь медленнее, чем раньше.

– Д-е-р-е-в-у з-а д-е-р-е-в-н-е-й о-ч-е-н-ь п-л-о-х-о. Е-г-о у-ж-е в-т-о-р-о-й д-е-н-ь г-р-ы-з-у-т н-а-с-е-к-о-м-ы-е, – прочла женщина, поднимая взгляд на Констанцию снова. – Тебе нужен какой-нибудь отвар для этого? – опять взгляд в книгу, – Д-а.

Изольда встала, прошла к большому шкафу и скрылась в его дверях. Констанция завожжённо рассматривала её, потом медленно повернулась к картине на стене и пригляделась к хозяйке дома повнимательнее.

Черные волосы, девушка стоит, слегка повернувшись к Констанции, и словно что-то шепчет. Вокруг был фон оттенка розового и темно-синего. Примерно посередине краски смешивались, что создавало вид градиента.

Эта картина сильно выделялась на фоне блеклых стен дома. На первый взгляд казалось, будто это не картина вовсе, а еще одно маленькое окошко, выходящее на цветущий сад.

– Думаю, это должно помочь, – травница уже вышла из шкафа и протягивала Констанции баночку с чем-то зеленым. Девочка, принимая теплую жидкость, кивнула, и как-то скомкано поблагодарив хозяйку жестами, убежала.

Душевная боль, которой девочка питалась ещё в полдень, пока не прошла, и пройдёт не очень скоро. Она всё ещё давила на грудь, препятствуя дыханию и сжимая все органы до боли в костях. Констанция ускорила, подозревая, что на неё странно смотрят и искоса метают усмешки, негодуют.

Почему, она понятия не имела. Внешне она никак не отличается от них, ну, а внутренне... А кто будет смотреть, что у тебя внутри? Если внешне никак не отличаешься, то и в душу тебе никто не заглянет. Вдруг, подумают, ты и внутри такая же, как все.

Дерево вот-вот показалось из-за горизонта, и Констанция, выйдя за пределы деревни, пошла медленнее, рассматривая жидкость в руках.

Между тем она рассчитывала, в какой момент должна выветриться боль. Предположительно, завтра в полдень, пройдя полные сутки. Это не так много, но достаточно, чтобы сделать все дела в этой деревне и уйти восвояси.

Если физическая боль растений проходит за полчаса, то душевная боль человека будет проходить в течение суток, иногда даже двух.

Дерево выглядело очень убого, несчастные ветви иссохли и почти полопались, а ствол хоть и был таким же здоровым, но вредных насекомых скрывала кора, так что дерево довольно сильно страдало.

Констанция брызнула зеленой жидкостью на дерево. Немного растерялась. А что делать дальше? Лить в корни, мазать ствол или пытаться проникнуть под кору?

Девочка на всякий случай испробовала каждый способ, благо, жидкости было много.

Когда же она кончилась, Констанция просто села рядом с деревом и прислушалась к ветру, который колыхал верхушки деревьев, оставив землю в покое.

После показалось, будто ветер всё-таки добрался до земли и упорно шевелил траву, заставляя её приятно шуметь. Коса девочки слегка растрепалась, но лента сидела так же прочно, как и тогда, когда её только повязали.

Как же приятно иногда ошибаться в людях. Когда ожидаешь что-то плохое, а навстречу идет нечто прекрасное и даже милое. Когда уже готовишься к самому худшему, а в итоге это даже не пригождается.

Девочка внезапно открыла глаза. Перед ней возвышался силуэт человека, приблизительно её возраста. Он с подозрением разглядывал Констанцию, не говоря ни слова.

Констанция же тоже ничего сказать не могла, поэтому спокойно смотрела на него, ожидая его реплики. Она давно уже поняла, что это тот самый мальчик, боль которого она выкрала несколько часов назад.

Смотреть на него снизу вверх было немного странно, особенно когда некоторую часть его лица скрывало заходящее солнце. Заката ещё не было, но большая Звезда уже преодолела зенит и плавно двигалась к горизонту.

– Что ты делала в моем доме? – спросил вдруг он отчетливо, и Констанция вздрогнула.

В ответ ему раздалось лишь молчание.

Мальчик, растрепанный и испачканный местной пылью, пытливо разглядывал незнакомку.

Она же, виновато опустив взгляд, молчала. Продолжала молчать.

– Ну и чего ты молчишь? – мальчик нахмурился.

Констанция уже мысленно извинилась перед ним на всех знакомых ей языках и попросила его просто оставить ее в покое.

Он все еще ждал ответа, становился всё суровее с каждой секундой. Когда же он уже поймет, что она не может разговаривать?!

Девочка медленно подняла руки на одном уровне со своим лицом и указала на свои губы. Мальчик заметил, что её руки чем-то измазаны, и он зачем-то предположил, что она копалась в земле. Он казался растерянным. Констанция же, продолжая смотреть ему прямо в глаза, покачала головой. Снова на губы – снова покачала. Тогда он и понял.

– Ты хочешь сказать, что не можешь говорить? – растерянно протянул он. Констанция засияла и кивнула. – Прости.

Девочка ожидала, что он извинится и тут же уйдет, периодически поглядывая через плечо на неё и горестно вздыхая.

Но вместо этого он присел поодаль от неё и устремил взгляд перед собой.

– Знаешь, ты меня напугала тогда, – Констанция мельком окинула его беспокойным взглядом. – Тогда я был ужасно расстроен и подавлен... Сердце ныло, кости ему в такт. Увидев тебя, я испытал настоящий шок. Но, что самое удивительное – моя невыносимая боль прошла. Мне даже немного стыдно за это. Я ведь любил её.

Девочка мысленно вздохнула, отметив про себя, что голос его неестественно дрожит, словно он всё ещё испытывает эти чувства, которые она впитала в себя. Её же сердце сейчас уже не болело так сильно, скорее оттого, что оно отвлеклось от горестных раздумий о смерти, чем оттого, что боль начала понемногу растворяться.

Он помолчал, разглядывая её черные волосы, заплетённые в некогда аккуратную косу и горько вздохнул, поворачиваясь и вновь смотря перед собой.

– Твои волосы легко разглядеть в толпе, твое жёлтое платье словно светило, несмотря даже на такой светлый день. Выследить тебя в такой маленькой деревне не было чем-то сложным.

Девочка вжала голову в плечи, с трудом осознавая, что все это время он следил за ней, прятался в кустах, за домами, терялся в толпе, и видел её отовсюду.

Однако, неприятно, когда за тобой следят.

– Если не можешь сказать, то хотя бы покажи, что ты делала в моем доме, – тихо, но требовательно попросил мальчик, поймав испуганный взгляд Констанции.

«Завтра, пожалуйста, завтра» – молила девочка, отворачиваясь и рассматривая пальцы своих рук. Костяшки загрязнились, когда она пыталась проникнуть ладонью под кору, чувствуя, что эти движения приносят новую боль дереву, что это было бы отличным шансом проглотить боль попроще. Но боль эта так и растворилась в ядовитом кислороде, не долетев до легких Констанции.

Пальцы выглядели так, будто она не так давно рыла ими землю. Девочке вдруг стало противно. Как она раньше не заметила, что её руки в таком состоянии? Она начала растирать их в надежде убрать грязь.

– Хорошо, – неожиданно изрек мальчик, вставая. – До завтра ты можешь подумать, что и как ты мне расскажешь, – Констанция, вновь зажигаясь, кивнула. – Встретимся около этого дерева в полдень, ладно?

Пару энергичных кивков сошли за «да». Мальчик, удовлетворённый, пошел в деревню и даже ни разу не обернулся, чем опять изумил Констанцию.

Она же, продолжая неподвижно сидеть на своём месте, чувствовала всем своим нутром, что одинокое дерево выздоравливает. Излучаемая боль так же ныла и просилась в легкие к девочке, но, новых ран, по-видимому, не появлялось. Констанция была довольна собой и этим днем в целом.

Когда стемнело, и сквозь сумерки уже ничего нельзя было разглядеть в радиусе пяти метров, Констанция пошла домой.

Её сердце бешено колотилось, когда она проходила мимо дома того мальчика, одна мысль о нём наводила какую-то тоску. Он испытал очень сильную боль, которой Констанция так хладнокровно его лишила. Это не ему должно быть стыдно, а ей. Всё-таки, какой бы спасительницей она себя не чувствовала, ей было не по себе от той мысли, что иногда, глотая боль, она лишает людей совести.

Дом казался одиноким скучным строением, подле которого не находилось шикарного сада или хотя бы чистой лужайки. Девочка долго бродила вокруг домика, ожидая полной темноты и появления звезд.

Звезды отнюдь не успокаивали её. Наоборот, разглядывая их, она чувствовала что-то вроде беспокойства и восхищения. Многие люди видели в звездном небе красоту и безопасность. Да, звезды были красивые. Но где в них можно разглядеть безопасность? Звезды вызывали лишь восхищение и какой-то животный страх. Это был бесконечный океан со светящимися рыбками, которые, несомненно, взрывались, как по цепочке. Взрывались и падали.

Ночь никогда не была спокойным временем. А горящие точки в темном небе еще больше добавляли волнения и беспокойства. Звездное небо было невообразимо глубоким, было ощущение, что оно вот-вот затянет тебя в себя и никогда не вернет на землю.

В этом и было то беспокойство, которое чувствовала Констанция.

Дело, заставившее ее остаться здесь дольше положенного срока, было сделано, и Констанция могла уже с утра уйти отсюда и продолжить путь к чему-то непонятному, к чему вела ее сама судьба.

Но все было отнюдь непросто. Сложно выявить ту самую нить, то самое, что не позволяло Констанции убежать, хотя бы просто уйти, это нечто держало ее, заставляло стоять на месте, словно так и надо было. Значит ли это, что лечение дерева, на которое она потратила несколько дней – совсем не то дело, которое держало (или, точнее, все еще держит) ее?

Это расстроило девочку, и при первых звездах она вошла в дом, понуро опустив голову.

Сначала утро окрылило ее, намекнуло, дало ложную надежду, что она свободна и может идти отсюда на все четыре стороны, но стоило девочке встать с кровати, как чувство вчерашней безысходности вернулось снова.

Констанция поникла совсем, боль того мальчика и ее собственная душили ее, но воздуха глотнуть она не решалась. Да, собственная боль от утраты до сих пор не оставила её, хотя

прошло не многим около двух лет. Для кого-то этот срок ничтожно мал, но, для Констанции эти два года были длиной в целую жизнь.

Если каждый раз думать об одном и том же, то вскоре это либо приобретает новые краски, события и детали, либо надоедает совсем.

Именно поэтому Констанция не могла больше думать об отце, его смерть была ею до дыр продумана, передумана и додумана. Его жест, взгляд, слова – все отпечталось в ее голове так остро и четко, что она, даже спустя столько лет, не напрягалась, чтобы вспомнить это.

Она больше не углублялась в детали его смерти, ей было достаточно лишь короткого: «Он умер».

Раздумывая обо всем этом, Констанция не спеша направлялась к дереву, предварительно захватив с собой единственную в ее сумке книгу, которая уже была порвана в некоторых местах, стерта и помята. Они договорились встретиться в полдень, к тому времени Констанция уже должна будет обрести способность говорить.

Дерево, несмотря на его выздоровление, все еще выглядело помятым, каким-то поломанным и очень ветхим.

Девочка медленно подходила к нему, с облегчением отмечая, что боль утихает и вскоре она сможет задышать. Ей уже так надоело притворяться немой и выкручиваться из ситуаций весьма странными способами, но выбор между болью и воздухом был слишком очевиден. Она могла не дышать до трех суток, дольше пока не пробовала, опыта еще не было. Каждый такой раз она старалась больше передвигаться, чтобы лишний раз не контактировать с людьми. Они имели дурную привычку сначала спрашивать, потом грубо повторять свой вопрос, а узнав проблему – пристыжено извиняться и уходить, растерянно оглядываясь.

Мальчик показался спустя несколько минут, его далекий силуэт был едва виден сквозь кусты, росшие вокруг дерева и порой преграждающие путь невинным странникам.

Его неспешная походка, уложенные волосы, выглаженная одежда – все выдавало в нем ухоженность и тщательную подготовленность к этой встрече.

– Ну, – пробормотал он, разглядывая ее все то же желтое с пятном платье, бросил взгляд на книгу, зажатую в локте.

Констанция раскрыла книгу и, подзывая его к себе, указала пальцем на буквы. Читал мальчик медленно, видимо, только учился, и приходилось водить пальцем как можно медленнее, девочка здесь ясно ощущала уходящее впустую время.

Прочитав первое: «я не хотела тебя напугать», мальчик задумался, уставившись на дерево.

– Но что же ты тогда хотела? – спросил он, поймав ее взгляд.

Констанция опустила голову в книгу и, думая над предложением, застыла. Мальчик вдруг сел и взглянул на нее снизу вверх. Даже отсюда она была хрупкой, маленькой девочкой, которая не по годам была умна и не по-детски обаятельна.

Вскоре Констанция и сама присела, поджав ноги под себя и сделавшись еще невиннее.

Какой был бы у нее голос? Нежный, глухой? Шипящий, детский? Или взрослый, но полный детской наивности?

Мальчик вздрогнул, увидев ее палец снова в движении. Он опять проследил за ним и сформулировал предложение:

– Я просто хотела посмотреть, что случилось, но видимо зашла слишком далеко, – пробормотал он, прикладывая пальцы к подбородку. – Но ведь... Ничего не случилось.

Констанция вдруг вскинула голову, потому что ее сердце вдруг екнуло с невероятной болью и мурашки окатили волной все тело, заставляя вздрогнуть. Она растерянно посмотрела на мальчишку, не в силах что-либо сделать и вновь устала в книгу.

Бедный, бедный ребенок. Он даже не может поплакать за своего мертвого родственника, потому что эту самую боль у него отняли. Девочке вдруг стало противно от самой себя.

Она хотела было объяснить ситуацию, но он опередил ее вопросом:

– Как тебя зовут?

Констанция показала ему свое имя, он кивнул, почти невидимо улыбнувшись.

Констанция же, засмущавшись, отложила книгу и мысленно решила, что на вопросы его отвечать больше не будет. Пусть хоть в клочья ее порвет.

Он же, напротив, стал говорить о себе, внутренне понимая, что нашел отличного слушателя.

– Хорошенькое имя. Меня же все зовут Фред, и честно, я не очень люблю это имя, ибо оно напоминает мне о моей прошлой жизни, а она выдалась очень плохой.

Он на пару секунд замолчал, видимо ожидая какой-то реакции от девочки, но вспомнил, что ничего, кроме какого-нибудь выразительного взгляда и понимающего молчания он не дождетя.

Констанцию и не интересовала его «прошлая жизнь». Да даже если бы и интересовала, она не смогла бы его попросить, чтобы он рассказал об этом поподробнее.

– У меня умерла собака, по которой я горевал целых два месяца, потом папа убежал куда-то, мать говорила, что на войну, но я-то не глупый, войны никакой и нигде не было тогда, просто мама меня расстроить не хотела. Он же просто умер от какой-то странной болезни. Мама... тоже заразилась ей.

Констанция хотела понимающе вздохнуть, но вовремя спохватилась и лишь бросила печальный взгляд на его уложенные волосы, которые от солнца переливались оранжевым, плавно переходя в желтый.

– Я остался с мамой один, она всегда была грустна, как... – он задумался, подбирая слова, и случайно бросил взгляд на Констанцию, которая все еще сетовала на себя и жалела его, – как вот ты сейчас. И так каждый день. Зимой она заболела, чуть не умерла, я еле ее выводил. Выздороветь, конечно, полностью она не смогла, но, по крайней мере, была на ногах и по ее словам чувствовала себя «как распутившийся одуванчик». Летом она вновь слегла, и вот, как ты теперь знаешь, слегла насовсем, – он опять замолчал, не выражая никаких эмоций, в то время как Констанция держалась из последних сил, чтобы не заревать.

Если утром казалось, что боль проходит, то сейчас она наступила снова, открыла второй залп по ее душе, которая хоть и была закалена таким количеством различной боли, но все же трещала по швам и выла под этим самым залпом. Констанция даже не знала имени этой женщины, но оплакивала ее так, будто бы она была ее настоящей матерью.

Фред глубоко вздохнул и встал.

– Ну, я вполне узнал все, что хотел. Пойду-ка я, – он неуверенно зашагал вперед. – Еще увидимся, Констанция.

Девочка еще не могла успокоиться, её руки мелко тряслись, а на глаза подступали слезы. Но, несмотря на это, она подняла голову и сквозь пелену слез разглядывала уходящего вдаль мальчишку, имя которого так ему не нравится.

2 глава. Сплошь и рядом

Ты не вымолвишь ни слова, не призовешь ни небеса, ни преисподнюю. Будешь учиться и процветать. Молчи, дочь. И оставайся в живых.

Эми Хармон «Птичка и меч»

К вечеру заметно похолодало. Констанция просидела всю оставшуюся половину дня возле дерева, подтирала наступающие слезы и до боли кусала губы. Потом собралась и пошла домой.

Сегодня, вероятно, её последний день здесь, так что стоило бы как следует попрощаться со всеми.

Дом ее теперь выглядел осиротевшим, одиноким, как сама его временная хозяйка.

Констанция неожиданно вспомнила, когда она впервые его увидела. Тогда, при свете дня, он показался ей совсем не одиноким, а напротив, величественным сооружением, важным домом во всей деревне.

Его крыша действительно была выше, чем крыши рядом стоящих домов, но почему-то именно в сумерки, когда в воздухе словно витает дым, крыша дома заметно уменьшалась, он становился ниже, а потому и выглядел одиноким сарайчиком.

Констанцию дом впустил в себя, не забыв пригреть ее прохладные щеки и оледеневшие пальцы рук. Девочка устало просеменила к стулу, что был единственным предметом мебели, на котором можно посидеть. Кровать совсем на кровать не походила, это была простая кучка сена с постеленным сверху чьим-то одеялом. Несмотря на такие сомнительные удобства, Констанция легко могла создать себе из бесформенной кучи хорошее ложе. Достаточно было лишь завернуться в одеяло и зарыться в сено.

Качаясь на стуле, девочка размышляла, что стоит делать дальше. Вот, она разобралась с мальчиком, с деревом – должно же ее уже что-то отпустить?

Она, чувствуя, что все-таки это что-то ее не отпускает, легла на кровать и решила, что утро вечера мудренее, само все уляжется. Хотя все же что-то ее тяготило.

Проснуться рано утром у девочки получалось всегда, но не в этот раз. Встав на шатающихся ногах и проковыляв к почти развалившемуся камину, Констанция села рядом с ним и попыталась сформулировать первые мысли.

Боль прошла только сейчас, девочка тщательно проверила это. Больше ничего ее не душило, ничего не давило и не ныло.

Констанция вновь встала и, разглядывая окно перед собой, вздохнула. Казалось, она не делала этого уже целую неделю, ее голова вдруг заработала, давая фору любой быстро скачущей лошади.

Так же по ощущениям она, наконец, поняла, что нечто, державшее ее здесь, отпустило ее, заставляя идти дальше.

Но прежде, чем куда-то идти, нужно купить еды в путь. Денег было достаточно, но держать их у себя Констанции было в тягость, ее гложило странное чувство, подобное стыду, которое заставляло ее то разбрасываться деньгами, чтобы не видеть их больше у себя, то наоборот, скупко отдавать по монетке и как можно усерднее экономить их. Конечно же, ни в первом, ни во втором случае на деньги девочка смотреть не могла. А все из-за того, что давно, когда ее отец умер, и она осталась одна, ей нужно было сбежать отсюда, чтобы больше никогда не видеть этого дома. Но сбежать с пустыми карманами неизвестно куда – самоубийство, поэтому ей пришлось взять семейные деньги, запасы еды и уйти навсегда.

Еда не была чем-то важным для Констанции, это была лишь маленькая деталь для хорошей работы мозга.

Прожить она могла и без еды, а вот без боли в легких – никак. Кислород и еда – то, что заставляло ее мозг жить. Но кислород в большом количестве мог принести ей вред, поэтому дышать приходилось через раз, или только когда еды катастрофически не хватало.

На субботней ярмарке было довольно много продовольствия, причем в хорошем качестве. Но и денег такое качество требовало много.

Констанция протиснулась мимо каких-то зевак и вплотную подошла к прилавку с яблоками. Они были слегка помяты в некоторых местах, но это было лишь маленький дефектом, на который всем было наплевать.

Констанция купила полдюжины яблок и прошла к следующему торговцу, который в этот раз показывал всем маленькие баночки меда.

– Можно мне одну? – крикнула Констанция, вновь оказавшись у самого носа купца.

Он, показывая всю свою быстроту и плавность, подал девочке мед и принял серебро.

Легко протиснувшись сквозь толпу, Констанция оказалась на свободном клочке земли. Люди, словно чем-то движимые, обходили это место, создавая некий пустой круг.

Констанция засеменила прочь, рассматривая яблоки и мед и радуясь, что вышло купить только сладости, которые улучшали работу мозга в несколько раз.

Рука неуверенно коснулась запястья и потянула. Констанция вздрогнула, вдруг дернулась в противоположную сторону, одновременно поворачивая голову.

Фред, тот самый мальчик со светлыми волосами, смотрел ей прямо в глаза немного испуганно, но с некой жесткостью.

От неожиданности она чуть не выронила сумку с яблоками и медом.

Констанция хотела что-то спросить, но вспомнила, что для него она – немая.

– Ты, – протянул мальчишка, ослабляя хватку, но не переставая держать, – ты только что сейчас что-то говорила.

По телу девочки пробежали мурашки, сердце екнуло и забилось сильнее.

Она продолжала молчать, напрягая все актерское мастерство, сделала вид, что не понимает, о чем он. Фред сначала сверлил ее взглядом, ожидая хоть слова, а потом отпустил ее руку и пробормотал:

– Может, это была не ты...

Констанция кивнула, собралась идти, да только Фред по-прежнему напряженно смотрел на нее, пытаясь что-то вспомнить.

Вдруг он отвернулся и стал рассматривать мимо проходящих людей. Торговец, у которого Констанция покупала мед, лениво оглядывал народ взглядом. Фред подошел к нему и нескромно поинтересовался:

– Маленький спрос у вас, наверное, на мед-то?

Вопрос звучал скорее утвердительно, чем вопросительно и мужчина принял это как оскорбление.

– Ничего подобного! У меня много покупателей, причем довольно состоятельных.

Фред мысленно согласился, увидев цену.

– А бывает ли у вас такое, что вы забываете своих покупателей в лицо? – мужчина нахмурился, и мальчишка поспешил уточнить: – Вдруг кто-то что-то у вас забудет, а вы потом не сможете вспомнить, кто это был.

Купец пристально разглядывал лицо мальчишки, потом вдруг воскликнул:

– Да быть такого не могло! Я всех здесь знаю не то, что в лицо, а даже по имени!

– Хорошо, но как насчет чужаков, что забредают в эту деревню?

Фред вдруг обернулся и обнаружил, что Констанция исчезла. Хотя, чего он ожидал? Она исчезает так же неожиданно, как и появляется.

– У нас нет чужаков.

– И все же?

Мужчина вновь уставился на Фреда, потирая пальцами подбородок.

– Ну, если вдруг и будут, то описать я их сумею, – выдал наконец он. – Память у меня отличная.

– Отлично. Скажите, была ли тут у вас девочка, такая, с черной косой и в желтом платье? – Фред немного замешкался, прежде чем сказать это.

Купец опять, уже в который раз, принялся думать, разглядывая мальчишку.

– Так это не чужак же. Она здесь уже давненько живет.

– Значит, была здесь?

– Да, такая была. Только что.

Фред мысленно выдохнул.

– Скажите, она говорила с вами?

– Естественно! – выкрикнул мужчина, но видя недоверчивый взгляд мальчика, пояснил: – у нее еще голос был таким тонким, но не резким, как у всех детей, а мягким, словно ей не десять лет, а все пятнадцать.

Фред кивнул и, поблагодарив мужчину серебром, направился к своему дому. По пути к дому он размышлял, почему она притворилась немой и была ли это вообще она? На слово купцу верить он не очень-то хотел.

Теперь, когда все прояснилось, мальчик не хотел углубляться во все это, но видимо, судьба решила иначе.

Он опять увидел Констанцию, которая, сидя на траве, беспокойно озидала окрестности.

Мальчик, слегка обиженный, попытался пройти мимо нее, даже не глядя в ее сторону, но его запястье было резко схвачено, что заставило его остановиться и взглянуть на перехватчика.

Девочка, не менее испуганно, чем он, рассматривала его лицо и колебалась.

– Что такое? – немного грубо поинтересовался он, застыв.

– Помоги мне, – прошептала Констанция, доставая маленький нож.

Фред вздрогнул и попытался отшатнуться, но девочка сжала его запястье до боли.

– Ай! Прекрати, отстань! – закричал он, пытаясь перехватить другую руку с ножом.

– Стой, выслушай меня! – тихо крикнула девочка, пытаясь его успокоить. В то время, когда он пытался успокоить ее.

– Нож сначала убери! – Фред замедлился, когда увидел, что Констанция торопливо бросает холодное оружие на землю.

Несколько секунд они стояли, оперевшись руками друг на друга и тяжело дыша.

– Пожалуйста, причини себе боль, – попросила Констанция, отпуская его.

– Что? З-зачем? – мальчик отшатнулся, но не убежал окончательно, о чем тут же пожалел.

– Просто порань себя! Возьми нож и режь! – ее голос достиг самой высокой ноты, у нее была истерика. От страха.

– Да не буду я этого делать! – попытался взвизгнуть мальчик, да только все равно вышло тихо и неуверенно.

– Я клянусь, боли ты почти не почувствуешь! Режь!

– Да ты с ума сошла! – воскликнул он.

Но теперь Констанция лишь молча сверлила его взглядом, от чего он смешался и стал неуверенно поглядывать на нож.

– Ты серьезно? – спросил он уже более спокойно.

– Если бы я захотела пошутить, я бы к тебе не подошла. Пожалуйста, ну же!

Фред, испуганный ее громким голосом, взял нож и дрожащей рукой сделал неглубокую рану на руке. Кровь просочилась сквозь кожу, рана начала жечь. Девочка приблизилась к руке

и чего-то несколько мгновений подождала. Затем, полная счастья, глубоко вздохнула и боль неведомым образом испарилась.

– Я думал, ты будешь пить кровь, – он ошарашено разглядывал кровоточащую руку, которая теперь вообще не болела.

Девочка усмехнулась, но вышло скомкано и неискренне. Затем она поглядела на свою руку, пощупала её и как-то скривилась.

– Так, – Фред помедлил, переводя взгляд от руки на Констанцию. – Что это было?

Последняя лишь недоуменно пожала плечами и, подобрав свою сумку с едой, направилась было вперед, но рука Фреда коснулась ее плеча.

– погоди, – попросил он, – намекни хотя бы, что ты сейчас сделала?

Констанция повела плечом, высвобождаясь из его хватки и прежде, чем пойти дальше, достала книгу и показала ему:

«Я благодарна тебе за то, что ты спас меня. Дважды».

– Что? – Фред смотрел в книгу, пытаясь еще раз, заново, понять содержание этих предложений. – Я не понимаю!

Девочка пожала плечами в знак того, что это единственное, что она может сделать.

«Мне нужно идти».

Констанция закрыла книгу и поспешила уйти. Ей было неловко даже оглядываться. Ах, если бы не его любопытство, она бы уже давно была далеко отсюда!

Фред же смотрел на нее невидящим взглядом. Он, как ни старался, так и не мог понять значения этих предложений. Что произошло с его болью? Она исчезла, словно Констанция вдохнула ее в себя, как какой-то запах. Внезапно он вспомнил, что такое уже происходило. Он метнулся домой, напрямик к трупку своей матери.

Констанция шла торопливо, боясь, что ее догонят и заставят отвечать еще на сто вопросов, ответы на которые девочка и сама не знала.

С одной стороны ей было жаль терять источник пищи, то бишь этого мальчишку, который готов резать себя для неизвестно кого. Но с другой стороны, его бесконечные вопросы просто достают, особенно после того, как он вдруг разоблачил ее. То есть, она сама себя разоблачила, но так требовали обстоятельства.

Придя домой, Фред почувствовал запах гнившей плоти и не на шутку перепугался. Он, сметая какие-то вещи на своем пути, пробрался к покоям матери и, наплевав на смердящий запах, осел рядом, разглядывая ее подсыхающее белое лицо. Он с удивлением осознал, что ничего не чувствует, понял, что боль, которую он чувствовал тогда, когда она была еще на грани и вдруг зашла за черту в пользу смерти, боль эта умерла, исчезла, не оставив и следа.

Куда она делась?

«... ты спас меня. Дважды».

Фред внезапно вскочил, завернул мать в ее любимое одеяло, как можно плотнее, потащил ее на улицу, за дом.

После отыскал лопату и стал интенсивно копать. Земля, после ливня и долгой засухи, образовала корку и копалась очень плохо.

Солнце уже стало медленно опускаться, преодолев зенит. Фред не сразу понял, что копает практически вслепую. В те минуты, когда он устал, мальчик смотрел на кокон из одеяла, и ему становилось не по себе, скорее от неестественных чувств, нежели от страха перед трупом. Вот, в этом одеяле его мать. Мать, которую он всегда любил, которую каждый раз пытался как-то поддержать или помочь чем-то. И вот её смерть даже не вызвала в нём никаких чувств.

Констанция вдруг остановилась. Резкий шорох привлек ее внимание, заставил обернуться. Девочке вдруг показалось, что Фред догнал ее, теперь придет пора новых сложных вопросов, на которые ответить было бы почти невозможно.

Но вместо него вышел высокий человек в черном плаще и мраморной кожей. Глаза его были неестественно большие, а рот ничтожно маленьким. Он остановился около Констанции и нахмурился.

– А где Сэм? – спросил вдруг этот человек будто бы удивленно, разглядывая ее черные волосы, заглядывая девочке в глаза.

У Констанции перехватило дыхание от его голоса даже притом, что дышать она все еще не могла.

Кто такой этот Сэм? С чего этот человек (если его можно так назвать) взял, что она знает некого Сэма?

Фиолетовая дымка, которую она проглотила не так давно, не позволяла связать и двух слов. Боль еще резвилась внутри. Констанция инстинктивно сжалась.

– Я не слышу ответа, – его резкий, звонкий и грубый голос пронзил тишину, в которой Констанция, спустя целых три секунды молчания, уже успела раствориться.

Она, не давая себе отчета о действиях, вдруг развернулась и пошла от этого человека подальше, быстро переставляя ногами.

Вероятно, он просто ошибся. Так с каждым бывает. Может, он спутал её со своей подругой или, Боже упаси, дочкой. Она чувствовала его взгляд на себе и вдруг поняла, что сейчас вот-вот побежит, визжа от страха и стыда.

Что-то этот человек в ней находил. Что-то такое, что передать словами можно, но таковых в природе пока нет и не будет еще ближайшую тысячу лет. Она словно... бросала ему вызов. Само ее присутствие било его током, да таким сильным, что он невольно дергался и извивался весь изнутри. «Почему здесь она, а не Сэм?» – раздраженно думал он и с каждой такой мыслью его гнев рос всё сильнее.

Не успела Констанция пройти и трех шагов, как что-то вдруг схватило её за лодыжку и потянуло в обратном направлении. Упав, девочка изо всех сил вцепилась пальцами в траву и землю. Но это не помогло, то, что её схватило, было очень сильным. Констанция могла взвизгнуть, но сильная привычка не дышать и не издавать звуков не дала этого сделать, следовательно, это отрезало последнюю нить к спасению и еще больше разозлило незнакомца.

– Не смей убежать! – крикнул человек, подтягивая её тело к себе, хватая своими руками ее извивающиеся змейкой руки.

Достаточно было лишь сжать запястья, как следует, чтобы Констанция перестала вырываться. Он так же надавил на «больную» руку, прямо в то место, где предположительно была рана Фреда. Боль была просто чудовищной. Девочка хрипло выдавила «ай» и закусила губу.

– Повторяю еще раз, где он, где Сэм? – прошипел человек, глаза которого вдруг вспыхнули красным. Если это не было очень пугающим, то было просто чертовски завораживающим.

Констанция, сильно перепугавшись, поспешила высвободиться из его ослабших рук. Ослабших лишь на мгновение. Он вновь сжал ее руки, да так, что суставы хрустнули и заболели. Она заметила, как её пальцы синеют, а запястья в его руках бледнеют.

Его действия не приносили никаких плодов, и поэтому незнакомец перестал сжимать ее холодные руки, перехватив свободной ладонью ее волосы на затылке.

Это движение снова ударило его током, и он решил, что девчонка просто обороняется таким способом. Но на самом деле, девочка была абсолютно бессильна. Он отпустил её руки, но двигать ими она абсолютно не могла. Кажется, он вывихнул ей несколько пальцев.

– Прекрати играть со мной! Я же тебя в порошок сотру! – выкрикнул он и с силой сжал в кулаке волосы.

Голова невообразимо заболела и Констанция еле сдержалась, чтобы не потерять сознание. Такого допустить она точно не могла, а потому как-то попыталась вырваться. Руки не слушались её, а пальцы тем более.

От несчастной косы практически ничего не осталось. Коса была красивой, немного потрепанной, а сейчас, скидывая ленту, расплелась и легла на плечах Констанции волнами.

Незнакомец, заметив, что она как-то пытается сопротивляться, дал ей пощечину.

– Ай! – взвизгнула Констанция, выдохнув последний воздух из легких и заглатывая новый.

Он влепил ей еще одну пощечину, уже более слабую, чем первая. Это действие в который раз ударило его током.

Высокий некто вдруг отшвырнул ее, не в силах терпеть такого нахальства. Он видел её, еще тогда почувствовал к ней свое отвращение. А теперь, она стоит перед ним и дико его бесит. Он ждал совсем другого человека, того, кто избавит его от вечных мук, а появилась она. Такого будущего он не видел.

И всё же, ему доставляло удовольствие бить кого бы то ни было. Руками ли, хлыстом или мечом. Это делало его сильнее, а их уязвимей. Он не бил специально, но когда требовали обстоятельства, он наслаждался этим процессом.

Констанция, с синяками на руках и ноге, лежала на земле и пустым взглядом смотрела на рядом стоящее дерево. Позади себя она слышала шаги странного человека и его спокойное:

– Хоть бы ты умерла.

После этого ее глаза закрылись.

Фред устало смотрел на образовавшуюся перед ним земляную кучу. Сердце ничего не чувствовало, что очень не нравилось мальчику. Он хотел, бесконечно хотел ощущать эту естественную боль, чтобы хотя бы в голове не выжили мысли о предательстве. Наконец он встал, поправил рукава рубашки и зашел в дом. Там Фред отыскал кожаный мешок, сложил в него все продукты, какие были, семейные деньги и, закинув мешок на плечо, вышел.

Ему было стыдно смотреть на этот дом, не то, что жить в нем.

Его сейчас мучила только одна вещь – Констанция. Кто она? Куда так усердно направляется? Что с ней не так?

Фред пытался отогнать все эти мысли, ведь ее больше нет, она исчезла, ушла навсегда непонятно куда. Пора бы понять, что он больше ее не увидит.

Между тем встал другой вопрос. Куда ему, Фреду, идти? Для начала надо бы купить карту, иначе вряд ли он найдет правильный путь по наитию.

Он, стараясь не оглядываться, пошел по направлению к заканчивающемуся базару.

Была уже ранняя ночь, но базар продолжал работать ещё как минимум час, что было очень удобно для запоздавших путников.

Констанция очнулась на чьем-то полу, завернутая в два толстых одеяла и в совершенной растерянности.

Как она здесь оказалась? Долго ли спала? Где она?

Девочка подобрала одно одеяло, встала, небрежно завернулась в него и огляделась. Комната была совершенно пустая, практически без мебели, разве что только одинокий стул и некое подобие камина.

В единственном окне заходило солнце. Констанция попыталась припомнить, когда потеряла сознание, но выходило плохо.

Голова еще кружилась, и девочка поспешила сесть. Внезапно она резко вздохнула. Видимо, боль прошла, уступив место ее собственной, естественной боли, потому что после вдоха голова разболелась, руки и нога ныли, шея затекла.

Она вспомнила, как кричала. Этого не следовало делать в её положении, но боль от пощечины в совокупности с болью в запястьях и ноге заставили её рефлексивно крикнуть. Затем она поняла, что дышала еще далеко до того, как очнулась. Это еще легко отделалась, могла вовсе умереть.

Одного взгляда на руки хватило, чтобы на пару секунд перестать дышать и воспринимать окружающий мир. Запястья посинели, да так, что покрылись фиолетовой крапункой. Это какая же сила у этого человека?!

Однако по поводу рук девочка не сильно переживала, ее больше беспокоило то странное существо, напавшее на нее недавно. Если, конечно, она проспала не весь день. Человеком назвать это существо теперь было сложно, судя по тому, как быстро девочка потеряла сознание при малейшем толчке. Так же это доказывали и жуткие синяки при неаккуратном сжатии. Хотя пощечину он влепил ей довольно сильно. Но тогда кто это?

Как она здесь оказалась? Ее кто-то принес, притащил, привез, не важно. Важно лишь кто и куда.

Перед ней была затворенная дверь, которая легко открывалась, стоит лишь потянуть на себя.

Девочка медленно встала, прошла к двери и тихо дернула ручку.

Ее взору открылась еще одна комната, но на сей раз довольно уютная и очень теплая, в отличие от первой. Здесь царил легкий беспорядок: ковер завернулся в углу, из чего вероятно следовало, что об него частенько спотыкались; на столе был ворох бумаг, которые были исписаны мелким, косым почерком; картина на стене с березовой рощей была сдвинута в бок, но на это Констанция не смогла найти причину. Может, ветер или сквозняк?

Главной вещью этого обычного интерьера был телескоп.

Девочка заметила его не сразу, а опознала эту вещь еще позднее, причем сделав это, удивилась сама себе.

Обычный интерьер и дорогой телескоп? Внутреннее любопытство зажглось внутри Констанции молниеносно, оставляя гореть там, в ее душе, остатки вопросов о том странном существе.

– О, дорогая моя, вы проснулись! – из другой комнаты вышел пожилой мужчина, держа в руках еще стопку чистой бумаги.

– Здравствуйте, – Констанция, по-прежнему завернутая в одеяло, слегка улыбнулась.

Старик уронил бумагу на стол, прошел к камину и зажег его.

– Грейся, – коротко бросил он, отходя к телескопу.

Девочка приблизилась к огню и присела рядом.

– Скажите, – задумчиво протянула она, – а что это за штука? – она посмотрела на телескоп.

Старик взглянул на предмет, к которому прикасались его руки, и улыбнулся, загораясь ничуть не хуже самой Констанции.

– Это, дорогая моя гостья, телескоп. Я через него наблюдаю за звездами и Луной, – он наклонился и посмотрел в него.

Констанции это движение показалось глупым, и она засмеялась.

– Но ведь сейчас звезд нет, – сказала она, выставляя руки к огню.

– У меня дома очень тепло, несмотря на горящий камин. Так почему же ты греешь руки, сидя около него?

Констанция взглянула на свои руки, на огонь, тепло которого успокаивает ее покалеченное тело и дает легкую, но привычную боль.

– Вероятно, потому что мне холодно, – ответила девочка, заглядывая старику в глаза.

– Эти ужасные синяки, – начал он после некоторого молчания, – они ведь уже не болят? Холод притупляет боль, но тебе нужно совсем не это. Ты не греешь руки, а обостряешь боль с помощью нагрева. Ты греешь надежду, но какую, мне неизвестно.

Констанция вновь посмотрела на свои синие руки, которые после убрала от огня.

– Ну а я, очевидно, грею надежду, что в этих ранних сумерках увижу первую звезду. Этого, конечно, быть не может, но надежда не перестает меня покидать, – закончил он, поглаживая свою трубу.

Констанция прекрасно понимала, о чем он говорил. Она действительно грела руки, чтобы почувствовать боль, чтобы хоть как-то питать надежду на то, что она сыта. Это, конечно, не правда, девочка и это понимала, но таила в себе эту крохотную надежду, разогревая ее и ощущая мимолетное успокоение.

Фреду пришлось очень-очень долго провозиться с картой, ее правильным расположением и разобраться в условных знаках.

Вдобавок он купил еще и компас, который немного барахлил, но как сказал хозяин товара: «с пути не собьет».

На карте в тринадцати милях находилась еще деревня. Мальчик, сверяясь с компасом, поплелся по дороге, которая была вытоптана сотней лошадей и повозок.

Сгущение сумерек заставило его прибавить шаг и быстрее соображать. По карте ориентировался он еще плохо, хотя у него были неплохие задатки великого путешественника.

Вскоре он вдруг перестал различать дорогу на карте, даже на самой местности.

Стоило где-то остановиться, но поблизости ничего не было, лишь кусты, дорога и деревья.

Все же он, повинувшись неведомому чувству, решил идти строго по дороге, никуда не сворачивая.

– Как вы меня нашли, господин Льюис? – Констанция сидела в кресле-качалке напротив хозяина дома, старого Льюиса Филлипса, который сидел за столом и небрежно водил пером по бумаге.

– Мне нужно было сходить в город, чтобы купить кое-какую деталь для моей трубы, а то моя уже треснула, в любой момент может сломаться и не увижу я звезд, – проговорил он, сверяя какие-то листочки.

Констанция бросила взгляд в окно. Там поднялся ветерок, но небо было пока ясным. Первые звезды уже заняли свои места на небосводе.

– И по дороге вы встретили меня, да? – девочке вдруг стало стыдно от того состояния, в котором она пребывала тогда.

– Именно так. Я решил, что не стоит такую юную душу оставлять лежать на холодной земле и принес к себе. Твое платье порвалось и испачкалось, а волосы спутались. Я привел

тебя в порядок, – Льюис на секунду поднял на девочку взгляд, но тут же вновь углубился в свои письма.

Констанция посмотрела на себя и обнаружила порванный и зашитый подол платья, поблекшее, но все еще видное пятно от чернил и смешалась.

– Спасибо вам за все это, – проговорила она.

Прошло довольно много времени, и воздух начинал жечь легкие. Констанция вдруг испугалась. Метнула взгляд на старика и ужаснулась посетившей ее мысли. Нет, она не заставит его причинить себе боль. Но как тогда быть?

Увидев в крошечной тьме горящие окна, Фред обрадовался и поспешил подойти к одинокому дому.

Ему не терпелось зайти погреться, по возможности перекусить и хотя бы часик поспать.

Тропинка, уходящая вниз, была чересчур узкой, поэтому была практически не видна. Мальчик ступал наугад.

От ветра продрогли кости, от долгой ходьбы устали ноги, от усердной работы мозга хотелось спать.

Свет из окон он видел все отчетливее, хоть перед глазами уже плыло. Это была его последняя надежда, последний шанс.

Приблизившись к двери, он из-за нерешительности поколебался несколько секунд, но все же постучал.

Констанция, сидящая уже в полудреме, вздрогнула от неожиданного резкого звука. Мистер Льюис тоже вздрогнул, но не так сильно, как девочка. Сначала они оба посмотрели друг на друга, а потом хозяин встал и, дав знак «молчать», прошел к двери. Секундное колебание и дверь приоткрылась, выпуская тепло и свет.

– Чем могу быть полезен? – осведомился старик, глядя на кого-то невидимого для Констанции.

– Не приютите ли уставшего путника на ночь, господин? Я могу заплатить, – донесся знакомый голос.

Сердце Констанции подскочило, она хотела резко встать и где-нибудь спрятаться, но вдруг поняла, что уже не может двигаться, что кислород уже не просто жжет легкие, а уже сжигает их дотла. Пришлось остаться на месте и нетерпеливо поглядывать на дверь.

– Проходи, – старик радушно впустил юношу, закрывая за ним дверь.

Констанция изобразила на своем лице безразличие, но все равно боязливо вжалась в кресло.

Ее взгляд переключался на окно, за стеклом которого ничего не было видно. Ничего, кроме темноты.

Фред, мельком осмотрев дом, споткнулся взглядом о Констанцию, которая как ни в чем не бывало сидела в кресле-качалке и что-то высматривала в окне. Его очень удивил её внешний вид: цвет лица был намного бледнее, чем когда он видел её в последний раз. Но щеки были какие-то неестественно красные, неопределенно вырисовывался след от ладони. Неужели её кто-то бил? От этих мыслей у него всё похолодело внутри.

– Так, подожди пока здесь, я пойду и приготовлю тебе комнату.

Льюис скрылся в одной из трех дверей, а в комнате повисла неловкая тишина.

– Привет, – вдруг сказал Фред, усаживаясь рядом с камином.

Констанция медленно повернула голову на источник звука и рассмотрела мальчишку получше.

Все та же рубашка, те же штаны, та же обувь, ничего нового.

– Ты прости меня за такое огромное количество вопросов, – начал он и, видя, что Констанция никак не реагирует, продолжил: – а ты... опять немая?

Девочка удивленно повернулась на него. Вдруг ей захотелось чем-нибудь треснуть его, чтобы перестал задавать такие вопросы.

– Нет, – коротко ответила она, вновь отворачиваясь. Сейчас ей хотелось только покоя.

Мальчик все еще поглядывал на нее, как на неопознанный объект, содержащий в себе тайны, которые, возможно, просто плод его воображения. Ему жутко хотелось спросить про её внешний вид, но здравый смысл останавливал его, ведь нельзя такое спрашивать, тем более, если её действительно кто-то бил.

Но кто? Почему-то первым делом он подумал о старике, который только что впустил его в этот дом. Но потом Фред вычеркнул этот вариант, ибо, если бы это действительно сделал он, девочка не решилась бы оставаться тут на ночь. Выходило, что она встретилась с кем-то по пути сюда.

Фред взглянул на огонь. Эти пляшущие огненные языки завораживали его, заставляли забыть о невзгодах, о вопросах и вообще обо всем, даже о самом себе.

Констанция же, украдкой наблюдала за вдруг замолчавшим мальчишкой. Что-то толкало ее заговорить с ним, но волнуясь, что после ее реплики последуют вопросы, она не решалась сказать и слова. Фред же решил, что не будет докучать ей своими вопросами и просто начал искать в этом уютном домике что-нибудь интересное.

Молчание затянулось, господин Льюис куда-то делся, а безвыходное положение девчонки все же пересилило, и Констанция тихо заговорила:

– Слушай, извини за мою дикость, – он повернулся к ней, с интересом ловя каждое ее слово, – но ты не мог бы выручить меня еще раз?.. Тогда... я бы могла позволить тебе задать мне пару... вопросов.

Фред словно повеселел. Его бледное лицо, хоть и обогреваемое огнем, наконец-то зарумянилось, глаза, до сего угрюмые и неживые, заблестели, а движения стали ловкими и резкими, он словно очнулся ото сна.

– Что я должен делать? – спросил он, готовый встать.

Констанция помедлила, хоть и прекрасно осознавала, что любое неловкое движение может привести к осложнениям.

– Мне правда неудобно опять тебя просить, – начала она, но Фред уже понял, куда клонит девчонка.

Он, подобно преданной собачке, начал рыться у себя в сумке и нашел малюсенький ножик, который взял для того, чтобы разделять пищу на порции.

Острие впилося в кожу и сделало надрез, не сильно глубокий, но довольно болезненный.

Констанция подождала, когда мальчик ощутит самый пик боли, и видя фиолетовую дымку, потянула ее носом.

Фред, внимательно наблюдая за движениями девочки, начал постепенно переставать чувствовать боль. Она, Констанция, словно вытягивала ее из мальчика, подпитывая себя и опустошая его.

Констанция вдруг улыбнулась и прикрыла глаза, откидываясь на спинку стула. Фред наблюдал, как кровь скапливалась в разрезе и стекала по его руке тонкой струйкой. После кровотечения остановилось. Мальчик по инерции стёр кровь рукавом.

– Ну, как вы тут? – господин Льюис вышел к ним и вновь опустился за стол. – Путник, твоя комната слева от того окна, – он указал на противоположную от них дверь.

Констанция стала сверлить Фреда взглядом. Тот заметил это практически сразу и, по их немому разговору стало понятно, что девчонка говорить не будет ближайшие часа два. Может, мальчик бы и не догадался, что она имела ввиду этими взглядами, если бы не ее руки. Пона-

чалу он хотел удивиться, мол, почему они такие синие? – но решил отложить этот вопрос, ибо Констанция что-то показывала этими руками.

Языком жестов она владела плохо, знала лишь некоторые движения, когда-то выученные и пригодившиеся ей. Но поймет ли их обычный мальчишка?

Поэтому движения языка смешивались с простыми движениями, которые выглядели понятно для всех.

Все это произошло так быстро, что старик даже не повторял своего вопроса, молчание затянулось только на пол минуты и прервалось коротким:

– Спасибо, всё отлично.

Это, конечно же, был ответ Фреда.

– Отлично? – старик усмехнулся. – Что ж, вы уже можете идти спать. – Потом, после недолгого молчания, они услышали его ехидное бормотание: – сегодня я подрабатываю гостиницей.

Фред поднялся и прошел к двери, на которую не так давно указывал старик, и скрылся за ней.

Констанция вставать не спешила. Ей хотелось еще немного посидеть на кресле-качалке, спросить господина Льюиса о чем-нибудь, да и вообще хотелось взглянуть в этот телескоп, который стоял напротив нее и манил к себе.

Но старик вдруг встал, подошел к трубе и стал смотреть в нее.

Девочке не терпелось спросить, что же он там видит, но ей было немного неловко отвлекать его от работы. К тому же, говорить она совершенно не могла, силы ее были уже истощены, отчасти сложной дорогой, отчасти неравным поединком.

Между тем господин заговорил сам:

– Звезды сменили свое положение... Это что-то, да значит.

Любопытство пересилило, Констанция, стараясь терять как можно меньше воздуха, осведомилась:

– А по-вашему, что?

Льюис заметил перемену в ее голосе, но не придал этому значения.

– Обычно это происходит при смене времени года, или года вообще. Но в этот раз что-то не так. Сейчас середина лета, до осени еще не скоро, так почему же они, звезды, сменили свое местоположение?

Казалось, что он уже давно объясняет это все не Констанции, а себе, будто рассуждает вслух.

– Иди спать, – так же мягко, как и всегда, сказал он ей, и девочка немедленно повиновалась.

Медленно и тяжело поднялась, придерживая синими руками теплое одеяло, и тихонько пошла к двери. Но не успела она дойти до своей комнаты, как старик бросил ей:

– Возьми у себя в комнате плащ. Послезавтра будет дождь.

3 глава. Удовольствие

– Где болит?

«Там, где никому не видно, – подумал я...»

Рэй Брэдбери «Смерть – дело одинокое»

Рогберт пулей влетел в кабинет, отстраняя назойливую прислугу и обрывая их на полуслове. Ему не терпелось высказать свою долю признания к господину Бливиллису, который, будучи в хорошем настроении, повел себя просто отвратительно.

Рогберт никогда не поддерживал действия своего «хозяина», ибо были они бесчеловечны. Конечно, он подозревал, что его господин вовсе и не человек, но доказательств никаких не было. Да и существуют ли не-люди вообще? Выяснить это – удел историков, а не его.

Но, пересекая порог этой комнаты, он вдруг замер, словно прозрел, понял, что совершает глупость. Это же его господин. И хоть он, его правая рука, может высказать свою точку зрения на эту ситуацию, но надо ли это?

– Ты чего-то хотел? – господин Бливиллис отложил перо и с серьезным видом воззрился на Рогберта.

Тот, отогнав оцепенение, пришел к выводу, что все-таки стоит возмутиться по поводу того, что случилось вчера, чтобы хотя бы не вести себя, как истеричка, способная зайти с самым грозным и яростным видом, а при виде «хозяина» сдаться и пристыжено уйти, поджав хвост.

– До меня дошло известие, – начал он, выпрямившись, – что вы, уважаемый Долор, избили человека. Почему вы не сказали об этом мне? Зачем вы вообще его избили?

Долор лишь усмехнулся уголками губ и сказал тихим, ровным голосом:

– Почему же ты не говоришь мне, Рогберт, что убил сегодня нашу курицу?

– Эм, причем тут наша курица? Я не сказал вам, потому что всегда так делаю. Зачем по несколько раз на дню говорить, что я убил её?

– Вот и ответ на твой вопрос. Зачем же ты убил её?

Рогберт молчал. Он уже понял, к чему Долор клонит и поэтому решил, что больше ничего по этому поводу не скажет.

– Я всё понял, – коротко сказал он.

У Рогберта был странный фетиш – он раз в неделю приходил на двор около дома Бливиллиса и убивал одну или две курицы. Зачем? Просто ради забавы. Иногда он просил приготовить ему это несчастное животное, причем самым изысканным способом. Видимо, именно это объединяло его и Бливиллиса, правда, у последнего такие «забавы» были намного серьезней. К тому же, эти курицы были своеобразной платой за работу, которую он выполнял на службе у господина. Работа была пустяковой, так что рассчитывать на золото или серебро смысла не было.

Господин Бливиллис хотел опять заняться своими делами, но резкий, слегка визгливый и высокомерный голос пронзил наступившую на мгновение тишину.

– Пока я шел сюда, нашел вот это, – Рогберт раскрыл кулак и показал простую ленточку лимонного цвета. Через несколько секунд он вновь спрятал ленту к себе в карман.

– И что?

– Вы хотите сказать, что носите женские ленты? – Рогберт вскинул бровь.

– Ты не знал? – невозмутимо ответил Бливиллис.

Рогберт молчал, смотря то господину прямо в глаза, то поверх его макушки.

– Господин, не стоило так его избивать, – после короткого молчания пролепетал он.

Долор встрепенулся.

– Кого? Ах, того человека? Подумаешь, невелика потеря. Таких чертей навалом, – он вдруг сделал паузу. – Что-то мне в нем не понравилось, – господин Бливиллис задумался, но видя, что пришедший собрался уйти, вдруг попросил: – ленту только оставь здесь. Она же всё-таки моя.

Рогберт повиновался и поспешил скрыться, оставив Долора рассуждать в одиночестве. Когда дверь негромко хлопнула, Долор поднял взгляд и устремил его на лежащую перед ним ленту. О чем-то подумав, он усмехнулся.

Констанция собралась с первыми лучами, проверила, все ли на месте собралась уже выйти из дома, как неожиданно вспомнила: забыла плащ. Ей до сих пор было не понятно, как хозяин дома мог расстаться с таким дорогим плащом. Этот плащ был очень плотный, большой и теплый. Летом в нем ходить было бы проблематично.

Плащ девочка сразу же накинула на себя. Пытаясь совладать с застежкой на груди, она совсем забыла, что здесь не одна и вспомнила об этом только после короткого вопроса:

– Помочь?

Льюис уже сидел за столом с бумагами и держал в руке стакан теплого чая. Он смотрел куда-то мимо Констанции, скорее даже не на неё, а на свой плащ. Бывший.

Девочка лишь коротко кивнула.

Звездочет медленно подошел к ней и аккуратно застегнул ремень на груди. Плащ был явно великоват его новой обладательнице и ощутимо тяжеловат. Констанция поблагодарила хозяина дома.

У себя в комнате она так же нашла кожаную сумку, в которой некогда лежали яблоки и мед. Эти продукты она отдала господину Льюису, как плата за плащ и за то, что она переночевала одну ночь у него. Конечно, на всякий случай она оставила пару яблок себе.

Всю ночь ее мучил выбор: звать ли с собой Фреда или уходить без него? С одной стороны, ей до сих пор не нравятся его вопросы, его внешность и голос, а с другой – он довольно полезный человек в плане «еды». Да ещё он вполне сможет изъясняться с людьми в то время, когда она сама не сможет. Таскать с собой книгу и объяснять свои слова жестами у неё больше не было никакого желания. Как бы долго она этим ни занималась, привыкнуть к таким методам сложно.

Ночью ее болевые ощущения прекратились, и вот-вот будет нужна новая подпитка. До следующей деревни далеко, поблизости нет ни души, которая способна чувствовать боль, поэтому она все же решила взять Фреда с собой. Тем более, кажется, она должна ему пару ответов на его вопросы.

Вздыхнув, она присела на пороге дома и стала наблюдать за движущейся природой.

Фред встал, нехотя собрал свои вещи, и давая серебро Льюису, поинтересовался:

– Девчонка, которая вчера была здесь, она еще останется у вас?

– Она ушла с первыми лучами солнца, – охотно поведал старик, глядя мальчику прямо в глаза.

Фред хотел уже уходить, но звездочет его задержал:

– Погоди-ка, – мальчик послушно остановился. – Вот, держи, – Льюис взял что-то со стола.

В руку к Фреду перекинула баночка с медом.

– Я мед не ем, так что можешь взять его себе.

– Спасибо.

– Удачи вам в дороге, – сказал старик и вновь сел за свой стол.

Фред кивнул и выбежал из дома. Может, он ещё успеет догнать Констанцию?

Лучи солнца на мгновение ослепили его, и он прикрыл глаза, не переставая быстро идти.
– Куда ты так заспешил? – насмешливо спросила Констанция, сидя на пороге чуть позади него.

Фред немедленно обернулся и на его лице застыло выражение шока, слегка смешанное со смущением. Констанция сидела, подперев подбородок рукой, и с лукавой полуулыбкой рассматривала мальчишку перед ней.

– Мне... надо спешить, – только и смог выдать он, нехотя отворачиваясь от неё.

– погоди, – негромко сказала она, вставая.

Мальчик сейчас и не думал куда-либо идти, а после её реплики и вовсе замер.

– И куда же ты так спешишь? – спросила она, слегка переводя взгляд в его сторону.

– Не знаю, – коротко ответил он, успокоившись. – Возможно, на юг.

Они оба замешкались. Полминуты стояли, смотря прямо перед собой, представляли, что их ждет в будущем, одновременно раздумывая, что друг другу сказать.

– Тогда нам по пути, – вдруг сказала Констанция, по-прежнему глядя вперед. – Правда, идти дальше одной мне будет немного сложно. Ты прекрасно знаешь, что говорить с людьми я могу не всегда.

Фред посмотрел на неё, открывая рот, чтобы что-то сказать, но вместо внятной речи выходил лишь воздух.

– Я хочу спросить, – медленно проговорила девчонка, опуская глаза, – ты не будешь против путешествовать со мной, путник Фред? – её голова повернулась к мальчишке, но глаза смотрели куда-то сквозь него, словно она говорила с воздухом, а смотрела вообще на пейзаж, раскинувшийся поодаль от нее.

Мальчик молчал, но в душе уже говорил «да», при чем это слово заполняло его всего, не оставляя даже словосочетания «я подумаю».

Констанция, неведомым ей чувством, уже знала ответ, но упорно делала вид, что абсолютно не догадывается о дальнейшем развитии событий.

Фред, выхватив момент, когда голос его не дрожал, а дыхание не прерывалось, сказал:

– Не против, Констанция, – он взглянул на нее и вся его робость, все волнение испарилось.

Девочка слегка улыбнулась и в последний раз взглянула на дом позади них, мысленно поблагодарив кров за теплую ночь.

Вдруг Фред совершенно случайно кинул взгляд на плащ Констанции и, не думая, спросил:

– Откуда на тебе плащ?

– Один знакомый сказал, что будет дождь, – спокойно произнесла она.

– Сегодня?

– Нет.

– Тогда зачем плащ?

– Дождь же.

– Но ведь не сегодня!

На этом они замолчали и медленно двинулись на юг. Первые полчаса они шли молча, не говоря ни слова даже в воздух, а последующие полчаса активно спорили.

– Да мне просто интересно! – воскликнул Фред, волочась за Констанцией, которая, вопреки своим ожиданиям, смеялась.

– Ты уж извини, путник, но я не демон, – еще посмеиваясь, ответила она.

– Но и не ангел, знаешь ли, – съязвил он, оскорбленный ее несерьезностью. – Может, ты какое-нибудь божество?

Это предьявление вызвало новый залп смеха, но более вялого, чем в первый раз.

– Нет же, нет! – воскликнула она, словно ответ был на поверхности, но мальчик никак не мог до него добраться. – Бери ниже!

– Нечисть? – догадался он.

По новому приступу смеха он понял, что опять промахнулся.

Фред беспомощно вздохнул. Ему был не понятен этот смех, его причины и настроение. То ли она смеялась чисто от веселья, то ли насмеялась над ним, над его глупыми словами. Это ломало его голову, заставляло отгородиться от реальности, перестать воспринимать эту реальность, только, чтобы подумать.

– Но тогда кто же ты? – в сердцах воскликнул он, исчерпав все предположения на этот счет.

Констанция больше не смеялась и даже не улыбалась, но и серьезной не выглядела. Ну, по крайней мере, со спины.

– Незачем тебе это, путник, – проговорила она спокойным, ровным голосом, словно это не она несколько секунд назад безудержно хохотала.

Эта ее приставка «путник» в каждом прямом обращении к нему его ужасно раздражала. Словно они просто встретились и завязали разговор, потому что им в одну сторону. Хотя, так почти и было, но ведь они уже более-менее знакомы, к чему все эти приставки?

– В таком случае, скажи, что это за синяки на твоих руках? – Фред начал отставать, поэтому подбежал прямо к ней и шел теперь с Константицией в одну ногу. – А ещё лицо. Что с тобой случилось?

В последний момент Фред понял, что сказал лишнее. Теперь она будет считать его бестактным балбесом, хотя тот и имел голову на плечах. Просто вырвалось у него от злости.

Девчонка посерела, попыталась спрятать руки и лицо, скорее по привычке, от безысходности, чем от надежды, что он, не видя их, забудет про свой вопрос и оставит ее в покое.

– Это совсем не важно, – быстро буркнула она, опуская голову. – Не с тобой же случилось. Тем более это не смертельно, я переживу.

Мальчик, до сего момента не сводивший с нее глаз, отвернулся в противоположную сторону и немного помолчал. Констанция подумала, что легко отделалась, но всё же на всякий случай натянула капюшон на самый лоб.

– Когда я резал свою руку твоим ножом, этого не было, – зачем-то сказал он.

Констанция никак не отреагировала, лишь слегка потеряла запястья пальцами. Это движение причинило ей сильную боль, но девочка по привычке её даже не замечала.

И вновь они замолкли, задумчиво водя взглядами по сторонам.

Фред раздумывал, какой вопрос можно было бы задать, чтобы получить на него прямой, искренний ответ. Констанция казалась ему существом скрытным, но, тем не менее, не умеющим контролировать свои эмоции и идущая на поводу у своих инстинктов.

Констанция приводила более значительные выводы об ее новом спутнике. Жил он не богато, но это настолько очевидно, что и в доказательствах не нуждается; путешествует он оттого, что мать, последняя державшая его нить, умерла, и теперь, не смотря на отсутствие естественной боли, он ощущает что-то вроде стыда, поэтому решает покинуть родные края. С чертами характера тоже все было примерно ясно: вспыльчивый, немного глуповат, отходчив (но это не точно), обладает чувственной натурой, любит задавать вопросы.

– Давно ты путешествуешь? – задал вдруг вопрос Фред.

Констанция помедлила с ответом, но не попыталась увильнуть или ответить уклончиво.

– Скоро пойдет третий год, – проговорила она, смотря под ноги.

– А где твоя мать?

Фреду, после всего того, что случилось с ним, было неловко задавать такой вопрос, но, тем не менее, интерес мучил его. Констанцию же вопрос не смутил, она без утайки ответила:

– Возможно, ушла куда-то и там умерла, возможно, просто ушла, мне не известна ее судьба. Надеюсь, мне не доведется в дальнейшем видеть её или слышать о ней.

Фред не поверил ей. Было заметно, что эта девочка страдает от одиночного образа жизни, что ей поскорее хочется найти кого-то, близкого по духу, а может быть, и по несчастью.

– Но что-то ведь заставило тебя уйти из дома, – предположил Фред, прикладывая пальцы к подбородку.

Девочка вздохнула и пояснила:

– У меня, через четыре года после ухода матери, умер отец. Я просто не могла оставаться дома и жить, как прежде. Ты можешь понять меня.

Фред немного помолчал, глядя то на Констанцию, то на мимо плывущие деревья.

– Допустим. Но тебе действительно так нравится путешествовать одной и слоняться в поисках пищи? – проговорил он, направляя свой взгляд на ее черные волосы. – Как я понял, тебе это не слишком нравится.

– Но я привыкла. Такой образ жизни закаляет и помогает ни от кого не зависеть.

– Ага, и бояться людей, – буркнул он, понимая, что проиграл этот словесный поединок.

Констанция услышала лишь слабое бормотание и не приняла его всерьез. Сейчас в ней зашевелился голод. «Если до сих пор ничего не найду, то принесу этого путника в жертву», – решила она, слабо хватаясь за легкие.

– А куда мы направляемся? – последовал от него очередной вопрос.

Констанция вздохнула и уже собралась ответить, как вдруг почувствовала едкий запах. Запах боли.

– Путник, стой тут, – приказала даже не она, а ее инстинкт охотника.

Фред послушно остановился, а девчонка стремглав пустилась сквозь густо растущий кустарник, напрямик в неведомую тьму.

Запах здесь становился ощутимее, ярче, и если сначала Констанция могла еще буркнуть «показалось», то сейчас ее уверенность достигла пика.

Пробежав пару метров, она остановилась, как вкопанная, потом стала выискивать предмет, который излучает этот самый запах.

Это был не лес. Вокруг было много деревьев, но лесом, тем не менее, назвать это место нельзя было.

Из-за такого количества деревьев и кустов сложно было определить источник, но поиски всё же не потребовали много времени. Констанция разглядела в траве серое пятно.

Этим пятном был кролик, который, попав в капкан, поранил лапу и теперь сидел, испуганно озираясь по сторонам. Из его лапы сочилась кровь и скоро сюда должны были бежаться хищники, чтобы окончательно разделаться с грызуном. Если, конечно, до этого его не найдут люди, поставившие этот капкан.

Констанция, спрятавшись за деревом, тихо присела. Сзади нее послышался едва слышимый шорох. Девочка тотчас же обернулась на звук.

Перед ней стояла девушка, нет, скорее женщина – с ослепительно белой кожей и перламутровыми волосами. Незнакомка разглядывала Констанцию с любопытством, как какую-то экзотику, но во взгляде ее все же проскакивали лучи презрения, которые та, возможно, упорно прятала.

Констанция не знала, что делать. Разобраться с кроликом, или заговорить с незнакомкой? Душа тянулась к незавершенному делу, но сделать пришлось второе.

Она заговорила сама. Аккуратно приблизилась, и ее зрачки резко расширились, будто она являлась кошкой в человеческом облике.

– А как же твой спутник? – спросила женщина, выдыхая каждое свое слово.

Голос у неё был мягкий, глубокий с неким завлекающим придыханием. Констанция почувствовала, как всё внутри неё задрожало.

Рука незнакомки осторожно потянулась к темным волосам девочки, словно желая их потрогать. Констанция, вопреки своей же мысленной команде «замри», резко, даже слишком резко, отшатнулась. Ее спина уперлась в дерево.

– Кто ты? – как можно тише спросила девочка, все еще надеясь, что трусишка-грызун остался на месте.

Рука неожиданно застыла у самой щеки девочки и была притянута обратно к ее обладательнице.

Незнакомка была оскорблена таким вопросом, о чем прямо высказала:

– Оскорбительно! Милая моя, я та, в ком нуждается весь мир. Неужели не знаешь моего имени?

Видя, что Констанция никак не отреагировала, незнакомка фыркнула. Поодаль от девочки она заметила того самого кролика и чувствуя то же, что и Констанция, подошла к нему.

– Какой милый зверек, – улыбаясь, произнесла она.

Злость сдавила грудь, и голод почувствовался даже яснее, чем до этого. Пойманный кролик сначала инстинктивно задрожал, а потом вдруг расслабился.

– Нет, не трогай его! – воскликнула девочка как можно тише, испуганно наблюдая за ними.

Ухмылка скользнула по лицу незнакомки, она взглянула сначала на девочку, а потом вновь перевела взгляд на зверька.

– Это ты его поймала?

– Нет.

– Ты хотела его забрать?

– Нет!

Незнакомка тихо рассмеялась.

– Ты, наверное, чувствуешь просто адскую боль, да? – обратилась она к зверьку, прикасаясь пальцами к его шерсти.

Констанция заскулила от отчаяния. Плавные, тягучие движения этой женщины очень раздражали девочку, но она не могла напасть в силу своих ограниченных способностей. Все, что она могла делать – испуганно наблюдать, как ЕЕ добычу отбирают у НЕЕ же.

В следующий момент она тихо подбежала к кролику и пробормотала:

– Позволь мне избавить его от боли, не убивай его.

Женщина откинула свои искрящиеся волосы и наигранно рассудила:

– Убивать? Нет, мои методы гораздо приятнее. Я могу лишить его жизни. А могу всего лишь боли.

– Нет! Д-дай мне это сделать, – Констанция схватила незнакомку за белую руку.

– Да что ты можешь сделать, простой человек?! – возмутилась незнакомка, вздрагивая.

Это прикосновение больно ударило ее током. Женщина выдернула запястье из синей руки девочки и, машинально поглаживая голову испуганного кролика, прикоснулась к его капкану. Сначала девочка испуганно смотрела на движущуюся руку незнакомки, пока в глаза ей не попала вспышка света. Тогда она отвернулась и зажмурилась.

Эта пауза дала остыть девочке, она тихо опустила голову и стала потирать свои синие пальцы.

Сама незнакомка заметно напряглась, отметив полное, но внезапное спокойствие у девочки, сидящей рядом. Она старалась не смотреть на неё, но взгляд упорно тянулся к её фиолетовому лицу, к синим рукам, к растрепанным волосам и желтому платью.

Женщина дотронулась до капкана и со всей силы потянула дуги в разные стороны. Капкан разошелся, высвободив лапу из своих металлических тисков. Констанция удивленно подняла

брови: какая же сила может быть у этой незнакомки, что она смогла самостоятельно, голыми руками раздвинуть капкан?

Кролик продолжал лежать, замерев и не двигаясь. Девочка подумала, что зверек может вот-вот умереть от потери крови. Она, закрыв глаза, глубоко вздохнула. Фиолетовая дымка слишком сильно выделялась на фоне обычного прозрачного воздуха.

Когда Констанция открыла глаза, незнакомка смотрела на нее с удивлением, даже с неким испугом.

– Ты... – пробормотала она, широко раскрыв глаза и рот. – Тебя прислал *он*?

Констанция, не сводя напряженного взгляда с незнакомки, покачала головой.

– Быть не может! Ты охотилась? – эта женщина отшатнулась от удивленного кролика и встала.

Констанция предпочла не отвечать на этот вопрос. Она лишь сидела в том же положении и молчала.

– Теперь понятно, почему меня ударило током, – сказала она, успокаиваясь.

Током? О чем говорит эта женщина?

– Не волнуйся, ты пока еще маленький кусочек той Силы, которая бурлит в *ней*, – загадочно продолжила она.

Незнакомка уже приобрела самообладание и еще раз села. Дотронулась до шерсти животного пальцами, и она заискрилась приятным розовым цветом.

Потом, вместе с Констанцией, встала и, развернувшись в противоположную сторону от девочки, бросила через плечо:

– Если ты и вправду не знаешь, кто я такая, то я – Лер Ронк, одухотворение удовольствия.

Теперь уже удивилась Констанция. Она пришла сюда из-за запаха боли, и как оказалось, не одна. Только что она, как настоящий хищник, делила добычу с хищником, но рангом выше. Это умозаключение изумило ее, да так, что она позабыла о важных мелочах, о которых стоило бы подумать.

Девочка понуро выбралась из кустов, сквозь которые совсем недавно пробралась, одержимая голодом.

Фред сидел у дерева, и казалось, спал. Его сумка была открыта, словно кто-то там рылся.

Констанция решила, что мальчик не спит, а размышляет. Сказать она ничего не могла, поэтому лишь легонько коснулась его предплечья. Он не отреагировал, и ее рука накрыла все плечо, сжала.

Тогда он распахнул глаза и тихо вздрогнул. Его полусонный взгляд остановился на Констанции. Значит, всё-таки спал.

Девочка кивнула и Фред поднялся.

– Где ты была? – выдохнул он, словно давно ее не видел.

Девочка указала на кусты, из которых вышла и развела руками.

– Я знаю, что ты пошла туда, но почему ты пробыла там так долго? – он уже не удивлялся, он по-настоящему злился, закипал, бурлил, как вода на огне.

А Констанция молчала, лишь смотрела на него своими карими глазами и мысленно молила, чтобы он перестал задавать вопросы. Лицо её от этого делалось ещё невиннее, чем оно есть на самом деле.

Фред, необъяснимо как, понял ее и замолк. Оглядел ее всю, ее спутанные волосы, ее усталое лицо и новый, но уже грязный, плащ.

– Ладно, пошли.

Ему хотелось взять ее за руку, такую хрупкую, но, тем не менее, сильную, но он не стал этого делать. Вместо этого он просто отвернулся и зашагал вперед. Констанция, про себя поблагодарив его, побрела за ним.

Ее мучила боль в ноге, поэтому она прихрамывала, а после вообще оперлась на Фреда и тянулась за ним, как за спасительной веточкой. Он поначалу думал, что она просто устала, но тяжелого дыхания не было, а идти, нет, даже волочиться за ним ей что-то не позволяло. Значит, дело в другом. Может, она ранена?

Спросить, что случилось, он не мог, так как Констанция все равно бы не ответила.

Немного погодя она отцепилась от него, и они оба увидели вдалеке верхушки домов.

– Деревня! – воскликнул Фред, улыбаясь.

Его глаза искрились восхищением, которого Констанция, к сожалению, не чувствовала. Сколько она уже повидала таких деревень за три года своего бессмысленного одиночества? Поэтому она молча смотрела вдаль, раздумывая, что ее ждет дальше.

Здесь предстояло сделать выбор, ответвления которого идут практически в противоположную сторону друг от друга, а значит, каждый выбор будет решающим для нее, для всей ее судьбы.

Это очень пугало и беспокоило.

Здесь Фред, отбрасывая все сковывающие цепи, взял ее за больное запястье и потащил за собой, приговаривая:

– Неужели деревня? О-о, может, там останемся на пару дней? Отсюда выглядит хорошо. Я думал, мы будем ночевать на земле! У-у, как это здорово!

Констанция тащилась за ним, нутром осозная, что тоже в какой-то степени рада. Она и предположить не могла, что деревня будет настолько близко. Они ведь и четырех миль не прошли. И всё же её лицо то и дело корчилось от боли, когда он сдвигал руку сильнее.

Фред, когда верхушки домов уже возвышались над ними, отпустил руку девочки и пустился вприпрыжку, с энтузиазмом разглядывая дома. Сама же девочка старалась, насколько это возможно, поспевать за парнишкой, одновременно продумывая план дальнейших действий.

Каждая деталь общего вида деревни бросалась в глаза, затмевая друг друга. Это резало взгляд, Фред не мог выбрать, куда идти. Он внезапно остановился, попытался оглядеться.

Констанция, стоящая позади него, была похожа на подбитую птицу, при падении еще больше искалеченную.

Ее мучило, словно подбиралась рвота. После ее закружило, как в водовороте, она чуть не закричала.

Последнее, что она тронула своими синими руками – было плечо Фреда, который непременно обернулся проверить, что произошло. Все восхищение вмиг пропало, осеклось, в его глазах осталась только паника и страх.

– Ко... Констанция! – закричал он, хватая задыхающееся тело под руки.

Для нее свет уже давно померк, она не вынесла этого водоворота, этого давления на горло и жгучей, невыносимой боли в ноге и руках.

Фред взвалил ношу на плечи и потащился к ряду ближайших домов.

Стук казался невыносимо громким.

Констанция приоткрыла глаза, фокусируя взгляд на своих синих руках. Пальцы неосознанно чертили какие-то узоры на одеяле, таком грязно-белом, старом.

В дверь стучали. Три коротких стука, повторяющиеся раз в пять секунд, затихающие всего на пять секунд, не дающие думать.

– Да входи уже, – пробубнила Констанция, садясь в кровати.

Дверь распахнулась, и в нее вошел Фред, совершенно испуганный и ничего не понимающий.

– Путник, – протянула она. – Зачем ты бил в дверь, если я спала? – возмутилась девочка, поднимая на него голову.

– Я не знаю, – после некоторой паузы разбито сказал Фред.

– Где я? – задала уже более простой вопрос девочка.

– В деревне Мортек, у пастуха Королли.

Констанция отвернулась в противоположную сторону, разглядывая пустое окно.

– Уже стемнело, – констатировала она.

– Что с тобой произошло? – голос мальчика дрогнул.

Констанция вновь посмотрела на него и равнодушно пожала плечами.

– Ты может не в курсе, – он замолк. Голос его выражал безграничный страх. – Но ты не дышала, когда тебя сюда принесли.

– Надо же, – попыталась сделать удивление Констанция, переводя взгляд на руки. Удивление вышло не очень правдоподобное.

– Ты мне не веришь?

Девочка молчала, прожигая взглядом руки. Она такая жалкая. Ее просто так, ради удовольствия, избил незнакомец, потом это опрометчивое решение путешествовать вместе и теперь еще и обморок, причем такой жалкий, совсем не героический.

– Почему ты молчишь? – его явно задевала эта пауза.

– Я...у меня просто очень слабый пульс. Вам, наверное, просто показалось, – пробубнила она.

– Ты не дышала, – каждое слово он выделил особой интонацией, заставляющей понять, что это все его очень злит и пугает.

Он что, требует объяснений? Прямо сейчас?

Констанция молчала, пытаясь справиться с удушающими сомнениями и давящими обстоятельствами. Фред видимо почувствовал ее замешательство и смягчился.

– Так кто же ты? – тихо спросил он. Вопрос был скорее риторический и сказан был на эмоциях.

«Я часть той Силы? Вероятно, да», – пронеслось в голове.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрипом половиц внизу, под ними, и негромкими разговорами, едва слышимыми.

Фред, глядя в пол, заключил, что больше ничего девочка не скажет и, тихо что-то пробурчав, он скрылся.

Констанция судорожно выдохнула и, принятое накануне решение было вновь пересмотрено и утверждено.

Фред спустился вниз, к самому началу ужина. Семья Королли состояла из мистера Мэта Королли и миссис Клэр Королли, из двух девочек-близняшек Нэнси и Нинон, а так же из их младшего брата Рори.

– А ваша спутница с нами не поужинает? – простодушно осведомилась миссис Королли, расставляя столовые приборы по кругу.

– Она еще слишком слаба, – сконфуженно проговорил Фред, не зная, куда ему деваться, – пожалуй, еще не совсем отдохнула.

Они сели за стол. На несколько минут Фред словно забыл, где находится. Словно вокруг него не незнакомые добрые люди, а вполне себе хорошо знакомые друзья, практически лучшие.

К каждому члену семьи он относился с теплым уважением и безграничной симпатией, новое приятное знакомство было словно дурманом, заставляющим забыть все переживания и беды.

Хозяева чувствовали легкий дискомфорт от его легкости и безмятежного поведения, но, тем не менее, были с ним веселы и внимательны.

Констанция, сидя наверху, пыталась решить, что сделает в следующую секунду. Спуститься вниз будет проблематично с учетом того, что ей стыдно за все это происшествие. Лечь спать тоже не представлялось выгодным, так как ночью нужно было бы проснуться. Просто сидеть и размышлять было единственным хорошим решением. Но о чем размышлять, когда все уже решено и все тщательно обдуманно?

И тут она вспомнила Лер. Что же было в ней не так? Констанция напряженно нахмурилась.

Нужно вспомнить, вспомнить все до мелочей. Что же было не так в ее поведении? Возможно, загвоздка была в ней самой, но что именно, Констанция? И тут ее осенило.

Все то время, пока они с ней разговаривали, Лер Ронк прикасалась своими пальцами к шерсти. Не накрывала мех ладонью, чтобы погладить, а именно касалась его пальцами.

Что она делала с этим бедным животным? Это определенно была магия. Лер – представитель удовольствия, может ли это означать, что она не охотилась, а пыталась лишить его боли? На сердце Констанции вдруг потеплело.

Но что-то было определённо не так. Что же?

Девочка представила себе ее руку, отчетливо нарисовала в своем воображении ее пальцы. На указательном что-то блестело, на мгновение это ослепило Констанцию, заставило отвернуться и закрыть глаза. Что бы это могло быть? Ответ слишком очевиден, это было кольцо. Почему она сразу его не заметила?

Констанция углублялась в свои размышления настолько сильно, что перестала слышать даже громкие возгласы Фреда снизу. Ее полностью поглотили воспоминания.

Но солнца не было. Там, где они сидели, не было видно даже неба, не то, что солнца. Тогда что же ослепило девочку, если не отражение света в кольце?

Возможно, какой-то светящийся камушек, или какая-то магия. И опять все упирается в магию. Так магия не была сказкой или алхимическими экспериментами?

Больше думать об этом не было никакого желания.

После нескольких напряженных часов наконец-то наступила ночь, и все разошлись по своим комнатам. Констанция слышала, как Фред остановился около ее двери, словно что-то подслушивал, или боролся со страхом постучать; а потом ушел, скрипнув дверью.

Неожиданные мысли, пришедшие ранее, улетучились, и девочка задремала.

На улице сейчас были предрассветные сумерки, приближалось утро. В комнате значительно похолодало, ибо огонь в печи давно потух и дом остыл.

Констанция приоткрыла глаза и чуть не вскрикнула от осознания того, что проспала собственный побег. Ее взгляд метнулся в окно. На горизонте небо начало светлеть. А воздух начал жечь легкие, раздражая тело.

Одеяло было отброшено, плащ, аккуратно сложенный рядом на тумбочке, был накинут на плечи и девочка, моля саму себя и Господа, не скрипеть половицами, тихо вышла.

Ступени все-таки подвели ее, издав противный звук. Пришлось немного помедлить, испуганно оглядываясь.

Прекрасной эту ночь назвать нельзя было. Небо, полное звезд и главным ночным светилом, затянули густые облака. Воздух был холодный, приходилось усерднее закутываться в плащ, который все равно не грел.

У Констанции не было фонаря, отчего путь ее был в разы тяжелее. Она вдруг сказала себе, что стоило бы поискать боль, пока она не прошла всю деревню и не очутилась в лесу, в безлюдном месте.

Девочка аккуратно потянула носом воздух, пытаясь различить все оттенки запахов, которые чувствовала. Где-то на севере ее нос учуял растворенный в воздухе запах дыма; позади нее был запах еды, такой бледный и невзрачный, что учуять его вряд ли смогли бы даже изго-

лодавшиеся животные; дом, поодаль которого она стояла, манил к себе запахом чего-то сладкого и едкого.

Учуяв знакомые нотки, Констанция подошла к дому. Сладость усилилась, а едкий запах так и остался бледен.

Она с любопытством взглянула в окно. Но там было так же темно, как и на улице.

«Кто-то непременно чувствует боль, – подумала она, обходя домик, пробираясь к его фасаду. – Я должна зайти туда».

Дверь тихо скрипнула, пропуская девочку в дом. Даже сейчас, находясь в здании, запах боли был очень бледен. В доме все спали, причем настолько крепко, что закричи хоть на весь дом, – все равно не услышат.

Что-то угнетало девочку, когда она пробиралась к источнику запаха. Что, если она не правильно поступает? Бросить того мальчишку на произвол судьбы только из-за того, что он обуза – не правильно, но и по-другому нельзя.

Констанция словно провалилась в бездну раздумий. Она не видела, не слышала ничего перед собой. Лишь думала и чувствовала.

Именно поэтому стеклянный стакан, стоявший на столе поодаль от нее, с оглушительным звуком рухнул на пол и вывел Констанцию из оцепенения.

Ей почудилась сама Пандора, уронившая ящик, который впоследствии раскрылся и показал неприятную истину людям.

Конечно, история ее была не такова, но Констанция и сама объяснить не могла, почему так подумала.

Еще раз убедившись, что никто не проснулся, девочка засеменила к цветку в горшке, который стоял у окна.

От него исходит такой запах? Констанция оглядела помещение. Вокруг были только не живые предметы: столы, стулья, ковры, картины и потухший камин. Может, что-то сгорело в камине? Девочка замерла, попробовала воздух рядом с золой и тихо покачала головой.

С растением в горшке что-то было не так. Оно умирало, медленно и больно. Этой боли хватит лишь на час, если не меньше, но Констанция по ее подсчетам уже должна будет уйти из леса.

Медленно наклоняясь к цветку, девочка не спеша потянула воздух на себя.

Через пару мгновений тело будто перестало функционировать. Рук и ног Констанция не чувствовала, она беспомощно свалилась на пол и осталась неподвижной. Из глаз её потекли слёзы, но сама она не проронила ни звука.

Это растение, оно засыхает. Палящие лучи солнца и недостаток влаги стали этому причиной. Его нужно полить.

Девочка еле поднялась и, преодолевая жжение и иглы в конечностях, засеменила к кухне.

Там была необходимая вода. От боли ее, Констанцию, уже не избавить, но цветок спасти можно.

Неуверенно взяв стакан, наполнив его водой из ведра, стоявшего рядом с камином, она прошла в обратном направлении и выплеснула содержимое на растение. Выделения боли уменьшились, а значит, цветок зажил. Но тело продолжало колоть и жечь. Особенно сильно болело горло – его схватил сильный спазм, было больно глотать.

Кое-как выбравшись из дома, Констанция, найдя поломанный сук, шла вперед, опираясь на него.

Чувство вины не покидало ее, хотя она и позабыла обо всем, что случилось тогда. Ей хотелось прямо сейчас, в эту секунду, поделить жизнь на «до», где не было ничего хорошего, ничего интересного и счастливого; и «после», которое должно было внести перемены в ее жизнь. Но она вдруг вспомнила, что уже делила свою жизнь на эти два слова.

Рассвет приближался. Сумерки сменились желтой зарей, стало прохладнее. Весь пейзаж начал медленно преображаться: просыпались птицы, начиная галдеть и перекрикиваться; сумерки начали рассеиваться, открывая четкий вид на темный лес; из-за горизонта показалась полоска солнца.

Боль от растения стала понемногу проходить, час за часом выветриваться из организма.

Констанция, раздвигая ветви деревьев, спотыкаясь о корни, шла практически наугад. Ее спутанные, давно забытые ей волосы, сейчас старались как можно крепче и больнее зацепиться за ветви, заставляя девочку бесшумно вскрикивать.

Ленты, где ее ленты? Она где-то их оставила, но где же?

В следующее мгновение нога перестала чувствовать землю, а потом что-то затянуло тело вниз.

Ее быстрый взгляд вперед и резкий вскрик – последнее, что увидел лес.

4 глава. Мрак и надежда

...мрачно, нескончаемо каркают вороны. Их голоса в лесном хоре звучат всего неприятней – безрадостные, безнадежные они наводят тоску, напоминают о брэнной плоти...

Колин Маккалоу «Поющие в терновнике»

Здесь, в этом темном и непонятном месте пахло землей. Наверное, оттого, что она, Констанция, в этой земле и утопла. Что произошло сейчас? Констанция шла, ничего не подозревая, и ни о чем не думая, и вдруг почва под ногами расступилась, роняя ее в свои недра.

И как теперь выбираться? Где верх, а где низ? Все перемешалось, перепуталось, в глазах потемнело, причем даже не из-за темноты, а из-за круговоротов, описываемых ею.

Констанция, открыв глаза, не сразу поняла, что происходит. Вокруг было чертовски темно, сыро и холодно. Где она?

«Подземная пещера», – подумалось ей, когда она тянула голову вверх.

Но это было слишком странно. Подземные пещеры если и были, то уходили глубоко в землю, настолько глубоко Констанция упасть не могла. Если же были пещеры на поверхности, то размером они были с крота, а тот довольно маленький даже для двенадцатилетней девочки. А здесь она чувствовала себя просторно. «Главное, не паниковать и не делать резких движений, иначе земля обвалится», – испуганно подумала она. Воздух начал кончаться. Если она продолжит так сидеть, то ни чем хорошим это не закончится. Констанция, отметив боль в правой ноге, попыталась аккуратно встать. Только выпрямившись во весь рост, земля уперлась ей в голову. «Есть ли проход вправо?», – спросила она сама себя, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Сейчас она чувствовала себя Алисой, попавшей если не в Страну Чудес, то в Мир Кошмаров, который с каждым разом преподносит ей все более странные испытания.

И все же она двинулась вправо, выставив руки вперед и не пройдя и двух метров, уперлась в стену. Ладно бы, в стену из земли, так нет, уперлась в каменную.

«Наверху что-то есть» – подумалось ей. Так же выставив руки вперед, она прошла в противоположную сторону, но здесь тоннель шел дальше, светлее вдали. Далеко впереди был тупик.

Дойдя до него, Констанция хотела взглянуть наверх, чтобы увидеть желанное небо, но вместо этого повернула голову вправо. Оттуда шел свет. Сердце девочки екнуло, и она чуть ли не побежала к выходу. А он и правда там был. Теперь же, она не понимала, зачем судьба завела ее сюда. Для того чтобы проверить ее выносливость? Ее выносливость могла проявляться и в других вещах. Каждая боль, которую она терпит, это не повод для выносливости?

Теперь эта «проверка» показалась ей невероятно глупой и очень простой. Только сейчас она заметила, что очень грязная. Земля разукрасила некогда желтое платье в коричнево-черный цвет, прибавив «изюминки» еще и чернильной кляксе. Нужно было срочно найти речку или хотя бы ручей.

Мир расцвел, стало настолько ясно и тепло, что даже в простеньком, но непромокаемом плаще девочке было жутко душно. Ее тело буквально плавилось, но снять с себя эту вещь она не могла. Слишком уж он был надежный. От него исходила аура защиты, которой Констанция в свое время не получила. Воздух стал влажнее, прохладней. Вода была близко, но в папоротниках было не разглядеть спуска вниз, вообще никакой земли не разглядеть. Несмотря на высокие деревья, солнечный свет, хоть и немного просеянный, освещал землю, постепенно высушивая папоротники и траву, накаляя землю. Спуск все-таки был. Папоротник, особенно разросшийся и здоровый, как сама девочка, отлично скрыл воду, но не спрятал ее вовсе. Рано или поздно речка была бы найдена.

Эта речка, к слову, выходила к той деревне, где в данный момент только просыпался Фред. Правда, там она заметно сужалась, утекала вдаль, и где кончалась, не знал никто.

Прохладная вода в знойный день подействовала отрезвляюще. Не раздеваясь, прямо так, Констанция вошла в воду по самую грудь и принялась умываться.

Поплывший разум перестал течь и застыл. Задержав дыхание, которое мгновенно отдалось болью в легких, девочка нырнула. Под водой она вымыла спутавшиеся волосы, лицо, шею и плечи. Вынырнула. Воздух после такого стал драконьим пламенем, Констанция закашлялась. Ей нужна подпитка. Как раз тогда, когда вокруг ни души. Тут девочка запаниковала. По-прежнему стоя в воде, она беспомощно озиралась по сторонам и выискивала взглядом какую-нибудь жертву. Простоя так еще минут пять-десять, она выбежала из воды и чуть не упала. Плащ стал в два раза тяжелее, он придавливал Констанцию к земле, заставляя ее вновь испачкаться. Но девочка была сильнее. Платье прилипло к ногам, а при быстрой ходьбе это было очень неудобно, поэтому она все время поправляла его, прекрасно осознавая, что это бесполезно.

Мимо пролетали с оглушительной быстротой птицы, но задеть их, чтобы причинить боль, нечем. Животных не было. Ни белок на деревьях, ни кроликов, ни лисиц, ни оленей. Да даже, если бы и были, как бы Констанция причинила им боль? Шерсть бы вырвала? И ножа у нее вроде не было, хотя она и всегда носила его с собой. Сейчас ее охватила настоящая паника. Кислород с каждым разом приносил боль все сильнее, а кругом ни души. Она что, умрет здесь?

Тогда она возненавидела боль во всех ее чертовых аспектах. Кругом была одна боль. Она чувствовала всегда только боль, и не важно, глотала ли она ее или была голодна.

Вдруг Констанция смирилась с тем, что медленно умирает. Поделом ей за то, что все время отталкивала от себя людей. Пошла бы с Фредом – проблем бы не было. Почему он ей так не нравится?! Ну, любопытный немного, с каждым бывает. А теперь она здесь одна, без подпитки, медленно и мучительно задыхается тем, чем дышит все человечество. Кислородом. Ее бы история могла закончиться уже сейчас, если бы ее вдруг не осенило. Она, мокрая и совершенно разбитая, присела и начала безжалостно обрывать папоротник. Тот завыл от боли, и девочка резко вздохнула, ощущая слабую, но впоследствии увеличивающуюся боль в руках и ногах. Учащенное сердцебиение сначала ускорилося, что чуть не взорвалось, а потом пропустило два удара.

Осознавая сейчас, что она сделала, она пришла к ужасному выводу: она слишком медленно думает. То, что она умышленно, от голода, причинила боль беззащитному существу, ее мало заботило; это был инстинкт самосохранения, он есть у всех людей, так что нечего тут в шок впадать.

Тем более растение, такое жалкое существо, низшее по царству и вообще не способное за себя постоять...

Она вдруг ударила себя по лицу. Ее мысли противоречили сами себе, то ли от злости, то ли от обиды.

В конце концов, за Фредом надо вернуться.

Но было одно «но». Девочка совершенно не знала, куда ей направиться. Вылезая из-под земли, она как-то не особенно заботилась, в какую сторону идет. А теперь, под сотню раз повернув вправо-влево и столько же кардинально меняя направление, – теперь она понятия не имела, откуда пришла.

Это ее не пугало, но дело было скверным.

Фред проснулся слишком поздно и немного удивился, не застав хозяев дома. Он решил, что так и надо, поэтому оставив записку в своей комнате с благодарностями, постучал в сосед-

нюю дверь, где мирно спала Констанция. Должна была спать. Ее там, конечно же, не было, не было даже ее вещей. «Неужели она ушла еще с утра?» – подумал он, роняя сердце.

– Что на уме у этой девчонки?! – возмущенно прошипел он и быстрым шагом покинул дом.

Констанция вздрогнула от приятного шелеста позади себя. Обернуться она пока не смела, пытаясь не выдать свой испуг. Лер Ронк как можно медленнее подошла к девочке и остановилась от нее в нескольких шагах.

– Ты подвернула ногу? – спросила она, лениво оглядывая затылок девочки.

Та быстро покачала головой.

– Я же чувствую, – проговорила Лер, прикасаясь кончиками пальцев к желтому платью.

Констанция опустила глаза. Ей было страшно, правда, страшно, ведь это не человек. Но, слава всему, и не Бог. Это лишь одухотворение, способное иметь несколько связанных между собой способностей и безграничную жизнь. Или нет?

– Я могу избавить тебя от этой боли, скажи только «да», – продолжала Лер, водя пальцем по желтой ткани.

Отказать? Согласиться? Что сейчас важнее: гордость или удовлетворенность? Нога дала необходимый толчок в этот момент.

– Да, – стараясь тратить минимум воздуха, проговорила Констанция.

– О да, я знала, что ты переступишь этот порог, – улыбнулась Лер, обойдя девочку и теперь смотря ей прямо в глаза.

Первым делом Фред направился к реке, ибо лес, по его мнению, был затеей банальной, и если бы Констанция хотела, чтобы ее не нашли, то туда бы точно не направилась. Спустившись под мост, он внимательно посмотрел на воду. Там, переливаясь и деформируясь, тянулось его отражение, загораживая собой каменистое дно. Что-то красное тянулось по воде, которая двигалась у той стороны берега. Речка, сама по себе неглубокая, была жутко холодной. Нижняя часть тела Фреда буквально льдом покрылась, зато вода освежила и окончательно пробудила.

Что-то красное оказалось лентой. Лента Констанции?

Почему-то мальчик замер, разглядывая находку как опасное сокровище. В его голове мелькнула эта лента еще тогда, когда она была на Констанции, и это окончательно укрепило его догадки. Выйдя на берег, он, как следует, выжал свою одежду и пустился против течения в сторону леса.

Констанция в это время смирно сидела на каком-то поваленном дереве и напряженно смотрела на Лер. Та, зная свое дело, привычно коснулась пальцами лодыжки. По телу прошел приятный вибрирующий холодок и все прекратилось. Нога перестала болеть. На пальце девочка заметила все то же кольцо.

«Спрашивать об этом еще рано» – решила она.

– Нужно еще подождать, пока нога начнет чувствовать. Это как лед приложить на длительное время, – сказала Лер Ронк, закусив нижнюю губу.

Ее манера постоянно кусать губы и мять их очень интересовала Констанцию, хоть и раздражала одновременно. Лер, видя, что собеседница молчит, решила вывести ее на разговор, причем довольно странный.

– Знаешь, когда я подвернула ногу однажды, какой-то парень, возможно, обычный работник, а может и знатный господин, отнес меня домой на своей спине. Была довольно веселая

прогулка по опушке леса. Кажется, это было очень давно. Ну, в общем, отнес он меня и сказал, что моя аура пропитана ароматом полыни и мака. Тогда я ответила, что так должен пахнуть весь мир.

Он рассмеялся, наверное, не понял того, что я имела ввиду.

Констанция, олицетворение самого спокойствия и статичности, слегка улыbnулась. Вероятно, она имела ввиду, что означают ароматы полыни и мака. С давних времен считалось, что эти растения являются «семенами удовольствия и наслаждения» и их аромат нередко можно было встретить в домах важных господ.

Лер Ронк заметила, что Констанция слабо улыбается, будто бы ничего не понимая.

– Ты что же, тоже не поняла? – прямолинейно спросила она, вглядываясь в девочку своими янтарными глазами.

Потихоньку Констанцию начало отпускать и она тихо заговорила:

– Поняла.

Лер, казалось, ей не поверила. Но умные глаза и уверенный голос больше не говорили, что в Констанции стоит сомневаться.

– Ладно, – протянуло одухотворение спокойно, – у меня к тебе важный разговор. Ты *его* преемница?

Констанция, не совсем понимая, о ком речь, помотала головой.

– Но... – это шокировало Лер, – я ведь все продумала... как я могла ошибиться?

Констанция пожала плечами, что означало, что она совершенно не догадывается, отчего та могла ошибиться.

– Ты ведь была кем-то послана сюда? – спросила Лер Ронк, машинально перебирая пальцами складки своего платья.

– Нет, – ответила ей девочка.

Лер, словно обидевшись, отвернулась и застыла. Констанция обратила внимание на ее короткое платье, доходящее до лодыжек. Обувью служили сапоги, но насколько длинные, понять было сложно.

– Тогда что ты здесь делаешь? – девушка вновь повернулась к Констанции и посмотрела на нее с любопытством. Девочка лениво повернула голову.

Голова Лер Ронк, обрамленная смешанным цветом волос, была немного наклонена в бок, а глаза, сидящие близко к переносице, впивались в девочку. Констанцию насторожило такое внимание.

– Убегаю, – коротко ответила она, отводя взгляд.

– От кого? Куда?

– Это совсем не важно.

Они замолкли. Констанция, до этого момента мирно разглядывающая стайку белок, вдруг вскочила.

– Нога! Твоя нога еще не совсем здорова, эй! – воскликнула Лер, выставя руки вперед.

Но нога Констанцию не волновала. Она быстрым шагом пошла прочь, желая уйти от мыслей и совсем забыв о насущных вопросах.

– Констанс! – взвизгнула Лер, стоя позади нее.

Констанция остановилась, как вкопанная. Ее тело медленно повернулось по направлению к девушке. Их взгляды встретились, но лишь на мгновение.

– Лер, спасибо тебе. А теперь дай мне уйти, я должна вернуться и забрать кое-кого.

– Отпустит ли тебя лес? – съязвила Лер, едва сдерживая гнев.

– А?

Но та словно не слышала. Лер встала и быстрыми шагами подошла к замешкавшейся девочке. Теперь Констанция ясно почувствовала запах жженой полыни, исходящий от возбуж-

денной Лер. Она отшатнулась скорее от неожиданности, чем от страха. Боль в ноге почувствовалась намного позднее.

– Ты должна мне помочь. Я не знаю, кто ты, не знаю, зачем ты здесь и понятия не имею, какие цели преследуешь. Но, пожалуйста, выслушай, – проговорила Ронк, немного успокоившись.

Девочку задела ее собственная важность такому существу, как Ронк. Ранее она даже какой-нибудь мухе не была нужна, а теперь у нее просит помощи сама полубогиня.

– Мне действительно надо идти, – уже менее уверенно промолвила Констанция, делая еще один шаг назад.

Лер Ронк покачала головой, а затем сказала:

– Ты ведь ненавидишь эту боль, ведь так? Я знаю, что ты не хочешь так жить. Я видела, с какой паникой ты бегала здесь в поисках чего-то. Возможно, я даже заглянула в твои мысли. Я знаю, кто это вытворяет, Констанс. У него нет права существовать. Ты можешь помочь мне его одолеть.

«Ведь ты такая же, как и он», – чуть не вырвалось у полубогини.

Констанция задумалась. Ей еще никогда не приходилось соревноваться, затем принимать помощь, а теперь выслушивать просьбу о сотрудничестве. А уж тем более от Лер Ронк, одухотворения удовольствия.

– Я ненавижу боль, ты права. Люди страдают, животные истекают кровью, растения умирают, и я могу им помочь, но ведь я тоже буду медленно умирать, разве нет? Независимо от того, будет ли боль вокруг или нет, я все равно умру... С этим стоит смириться. Я бы хотела тебе помочь, но я не уверена, что справлюсь, – ответила девочка после некоторой паузы.

– Послушай, это не очень сложно. Выйдешь за пределы леса – направляйся на юг, пока не попадешь в маленький городок, Брэнхем. Пройдя его, немного повернешь на запад и увидишь ещё один город, Мирлт. Во главе этого города, куда спустя какое-то время дойдешь, будет особняк, который значительно отличается от остальных домов. Тебе нужно будет лишь зайти туда и попросить у хозяина помощи.

– Но какой помощи?

– Любой. Главное, чтобы ты в этот момент чувствовала боль. Душевную. Ты ведь можешь поглощать боль других существ? Вот и используй эту свою способность. Он не заметит разницы.

– Я не могу говорить, когда во мне чужая боль.

Лер Ронк вскинула брови.

– Как это?

Констанция лишь пожала плечами.

– Хорошо, перед входом в особняк я что-нибудь придумаю. Так ты согласна?

Констанция задумалась. С одной стороны, всё довольно просто. Нужно всего лишь пройти определенный путь и попросить помощи у хозяина особняка. Но, с другой, всё слишком туманно и рискованно. Да и что делать потом?

– Ты действительно хочешь доверить это все мне, двенадцатилетней девочке? – казалось, Констанция начинала злиться из-за того, что запуталась в собственных рассуждениях.

Лер не понимала, не могла объяснить почему, но ей казалось, она ясно ощущала, что Констанция, несмотря на свой возраст, сможет усыпить внимание особняка, а также подчинить себе хозяина. Так же она была убеждена, что если какое-то пророчество, а может предсказание и было, то повествовалось оно явно об этой девочке. Омниус, один из солдат, ясно сказал, что войну разрешит только девочка, девочка с весьма необычными способностями.

– Да. Я уверена, что ты справишься, – сказала Ронк, стараясь выглядеть убедительной.

– Но что делать после того, как он окажет мне помощь?

– К тому времени я уже успею туда прийти.

– Почему ты не можешь сделать это прямо сейчас?

– Нельзя.

Констанции этот ответ не понравился. Что, если Лер не придет, когда всё будет уже кончено? Но делать нечего, придется идти. К тому же, возможно, что судьба намеренно вела ее туда, ибо по своим ощущениям и расчетам, девочка должна была как раз двинуться на юг.

– Почему нельзя? – прямо спросила она.

Чтобы согласиться на сомнительную сделку, нужно узнать обо всех ее подвохах.

Лер вкрадчиво глядела на свою юную собеседницу, стараясь создать вокруг них гнетущую атмосферу. Констанция ощущала всем нутром недоброе предчувствие, но не подала беспокойства. Через пару напряженных секунд Лер отвела взгляд и смазано улыбнулась.

– Одной я не могу прийти туда, вот и всё.

– Тогда почему ты не можешь пойти со мной?

Снова молчание. Эта женщина или специально накаляла атмосферу или действительно очень долго придумывала ответ.

– У меня еще есть дела в этом лесу.

Констанция хмыкнула и развернулась.

– Ладно. Я, конечно, не очень хорошо представляю себе все это, но теперь у меня хотя бы есть цель, – чуть погодя сказала девочка, перекладывая волосы набок.

– И еще кое-что. Сюда идет кто-то, кто отправится в особняк вместе с тобой. Это еще одно звено, еще деталь, которая поможет тебе, – сказала Лер.

Констанция вздрогнула. Неужели, сюда идет Фред?

– С-сюда? Прямо сюда?

– Да. Ты можешь догнать, если пойдешь по той тропинке, – Лер указала на узкую дорожку справа от девочки. – С ним еще один человек и он боится того, кто послал тебя, Констанс.

– Кто меня послал? – Констанция перестала понимать правила этой игры и запуталась в загадках.

– Возможно, тебе... всем вам стоит называть его «хозяин» или «господин». Только представь, как это весело будет выглядеть, посланница.

– Констанс, – поправила девочка, пряча свое недовольство.

Что несет эта женщина? Вероятно, у нее есть загадки или даже заговор против этого «хозяина», но почему нельзя было изъясняться проще?

– Хорошо. Спасибо, – бросила Констанция, быстро направляясь к тропинке.

Лер Ронк победно улыбнулась.

Фред, движимый единственной лентой и непонятным для него чувством, пробирался сквозь заросли папоротника.

Река по-прежнему была рядом с ним, всего лишь в паре метров. Изредка вода подавала какие-то сигналы, характеризующиеся плеском и бульканьем.

Фред сначала не обращал никакого внимания на эти звуки, но потом они стали его конкретно раздражать. Сначала он думал, что это простые рыбы или мелкие животные, но для них плеск был слишком громкий.

Мальчик повернул голову и попытался найти причину, которая колыхала водную гладь и доставала его нервную систему.

Сначала ничего не было видно. Лишь только сучки да листья плыли по реке, гонимые течением. Но в одном месте появилось пятнышко, которое с каждым мгновением все росло и темнело.

Вдруг с громким плеском из воды показались длинные каштановые волосы, на солнце отливавшие золотом. У Фреда перехватило дыхание; он замер, как истукан и все глядел на это чудо, боясь даже вздохнуть. Чудо же, на счастье, имело на себе прилипшую к телу рубаху, насколько длинную, было неясно, так как вынырнула только первая половина тела, оставив вторую в недрах темной воды. Девушка смотрела в сторону, не обращая внимания на посторонние шумы и глаза. Ее лицо, слегка загорелое, но все равно светлое, было пухлым, ярко выделялись щеки. На вид она была постарше Фреда, причем не на какие-то год-два, а на целых пять лет. Вдруг Фред понял, что смущен; его лицо вспыхнуло, а паралич прошел, поэтому он поспешил скрыться, иногда оглядываясь, чтобы понять, что она реальна и не привиделась ли.

Констанция же, терзаемая сомнениями и подсознательным, глубоко зарытым страхом, брела меж деревьев и решала, что делать дальше. Стоит ли возвращаться к Фреду? Ее решение сперва было опрометчиво; как он отреагирует, когда узнает, что она чуть не сбежала от него? А если уже узнал? К тому же, Фреда нельзя подпускать к непонятному даже ей человеку который портит жизнь абсолютно всем. Слипшиеся волосы неуклюже падали на лицо, застилая обзор. Девочка отыскала красную ленту, которой сразу же перевязала волосы в тугий хвост.

Её мысли вновь вернулись к таинственному хозяину особняка. Что он из себя представляет? Если к нему идут за помощью, значит, он не такой уж и плохой, разве нет? И как связать то, что он отравляет жизнь окружающих, насылая на них боль, с тем, что он по своей же воле помогает людям от неё избавиться? Это такая игра, чтобы не умереть со скуки?

Лер уже ушла, исчезла среди ряби деревьев, как-то недобро усмехнувшись напоследок. И зачем все эти сложности с проникновением в особняк? Все выглядело очень странно, но, кажется, Удовольствие знает, что делает. Да и что будет, если Ронк не поспеет вовремя?

Этот вопрос смущал Констанцию все то время, пока она кружила вокруг деревьев, что-то выискивая. Если он действительно сможет ей помочь и всё будет окончено, а Лер не придет, то он просто выкинет девчонку за дверь и ещё чего хуже, – натравит какую-нибудь боль.

Лер сказала, чтобы она не выходила из особняка надолго, иначе ничего не выйдет. Но как тогда остаться внутри подольше? Такого, как он, жалостью не возьмешь. Грубость и угрозы – не вариант для хрупкой двенадцатилетней девочки.

Констанция вновь села и погрузилась в раздумья.

Фред пытался уйти, но застрял между деревьев, неведь зачем появившихся здесь. Под его ногами зашуршали папоротники и веточки деревьев. Он замер, боясь обернуться. Сердце вдруг бешено забилося, заставляя учащенно и прерывисто дышать. Но спустя какое-то время оцепенение прошло, и мальчик понял, что ему нечего бояться. Эта девушка была в десятке метров от него и если она не услышала, как он шел вверх по реке, то вряд ли бы услышала, как он шумел сейчас. И все бы прошло гладко, если бы Фред убежал прямо сейчас. Но он остался стоять на месте, не зная, куда ему идти. А девушка вдруг решила, что плескаться в реке уже хватит и вышла из воды. Как оказалось, на ней была лишь рубашка. Девушка уже заметила Фреда, стоявшего к ней в пол-оборота, но кричать не стала. Ее одежда была спрятана под грудой опавших листьев папоротника, посему мальчик и не заметил никаких вещей до этого. Фреду стоило бы уйти прямо сейчас, но он подумал, что это будет выглядеть, будто он струсил, поэтому остался на месте, но, двигаться по-прежнему не стал. Выглядела эта сцена странно. Фред, стоящий как истукан, не смеющий даже головы повернуть (настолько он был пристыжен и испуган) и девушка, совершенно свободно передвигающаяся и спокойная, как удав. Ее кол-

кий взгляд буквально щипался, где-то даже прожигал кожу мальчишки, и ему от этого стало еще более страшно. Накинув на мокрые плечи какую-то длинную тряпку, девушка, наконец, заговорила:

– Ты не робей, не тебя же полуголым в речке застали.

Фред от такого заявления смутился еще больше.

– Да ладно тебе! Не королевских кровей, чтобы жеманиться, – вновь сказала она, выбирая сухие листья из жилета и штанов.

Ее манера говорить отдавала чем-то грубым, мужским, но голос в тоже время ее был тонкий и звонкий. Это сочетание очень сильно раздражало перепонки Фреда, но сказать вслух такое для него было невозможно.

– Ты странный, – выдала вдруг она, совершенно не замечая всю масштабность ситуации, в которой они вдвоем оказались.

Фред, к слову, тоже не замечал. Она стояла, смотрела на него не то, что с беспокойством, а скорее с интересом, а он, как заяц, вжался в щель между деревьями и застыл, глядя на нее. Зрительный контакт продолжался еще около пятнадцати секунд, а потом Фред нашел в себе силы заговорить:

– Извини, что подглядывал.

Казалось, что если бы он продолжал молчать, то эта незнакомка ждала бы от него слов столько, сколько потребовалось бы, при этом ничего не говоря.

– Но ты же просто проходил мимо, – усмехнулась девушка, вдруг вспомнив про свои волосы; она начала усердно их выжимать.

Фред как-то неуверенно усмехнулся ей в такт, вдруг почувствовал тепло на душе.

Но на самом деле туда просто попал луч света.

Констанция неожиданно вскрикнула. Ее лицо, до сего момента полное сосредоточенности, сейчас выглядело глупым и детским. Она вдруг осознала, как можно заполучить доверие злого человека, управляющего болью. Но то был запасной вариант, так как Лер уверила девочку, что явится туда вовремя. Просто, не стоило забывать о том, что что-то может пойти не по плану.

Но один вопрос все де оставался не решенным. Что делать с тем мальчишкой, чье имя так ему не по душе? Оставить и забыть? Но, как показал скромный опыт, он пригодится. Констанция, оглядывая лес, обнаружила, откуда пришла и двинулась в обратную сторону. С ее стороны было опрометчиво бросать его, но еще опрометчивее было кидаться обратно за ним, осознавая, что вряд ли он там остался.

Но, не смотря на это, она шла, усиленно отталкиваясь от земли носками ботинок.

Фред, переставший уже извиняться, поспешил вверх по течению. Девушка же, наскоро оделась и тотчас догнала юного путника.

– Куда ты направляешься? – спросила она, разглядывая его в профиль.

Фред помолчал, словно не услышал вопроса, но потом внятно и коротко ответил:

– Надо мне.

Девушка понимающе кивнула, хоть и не понимала из этой реплики ничего. Они еще шли, и она все более проникалась душой этого человека. Хоть он ее и не раскрывал, ее было легко прочесть. Так, по крайней мере, казалось Мелинде.

– Можно узнать, как тебя звать? – спросила вновь она, прибавляя шаг и обгоняя его.

– Фред, – немного поколебавшись, все же ответил он.

Кажется, девушка вновь кивнула.

– Я Мелинда, – охотно ответила она.

Девушка помедлила и оказалась на одной линии с Фредом, который про себя глубоко вздохнул.

Вокруг шумели деревья, видимо оттого, что поднялся ветер. До земли ветер долетал обрывками, но такими слабыми, что вряд ли это можно было назвать ветром. Так, колебание воздуха. Становилось душно. Мелкие животные не знали, куда деть себя от жары, а крупных животных вовсе не было видно. Мелинда продолжала вышагивать рядом с мальчиком, обращая свое и его внимание на внезапную духоту и порывы ветра в верхних слоях леса. Фреду было как-то все равно на душный, раскаленный воздух, на мелких и крупных животных и, тем более, на порывы ветра (и то, скорее всего теплого) вверх. Его занимала мысль о том, что надо бы найти Констанцию и отдать ей ленту. Он понятия не имел, почему она его бросила. Может, потому что он слишком много вопросов задавал? С учетом того, что девочка как-то сторонится этих вопросов. Не раскрывает своего прошлого, не говорит о настоящем, не планирует будущее. Она словно просто существует, без цели в жизни. Но, с другой стороны, есть ли цель у самого Фреда? Он ушел из дома, хотя мог остаться и жить там, как делают все.

Но вместо этого он, поддаваясь внезапному порыву, пошел, куда глаза глядят, без надежды вернуться. И теперь, брошенный и растерянный, он не знает, зачем вообще живет. Какая у него цель?

– Вот у меня, например, есть мечта: хочу уйти от предоставленной мне судьбы, – вдруг услышал он.

Это заявление отрезвило его, он повернул голову на говорившую, и внимательно на нее посмотрел. Мелинда, наконец-то обратившая его внимание на себя, заговорила с большим воодушевлением:

– Моя судьба ужасно ко мне не справедлива. В моей жизни вообще все наперекосяк, знаешь ли, – продолжила она с важным видом.

– Я всегда считал, что судьба ко всем справедлива. Ведь последствия, то есть сама судьба, вытекает из сделанного нами выбора. Поступила бы ты по-иному, конец был бы другим, – сказал Фред.

Мелинда немного подумала, вновь схватившись за волосы, а потом ответила:

– Весьма резонно. Но ко мне судьба все равно не справедлива, так как я ничего не делала.

– Значит, стоило что-либо сделать, чтобы конец был другим.

– Нет-нет, я имею ввиду, что от меня в моем будущем ничего не зависело. Но не время сейчас об этом говорить, – отмахнулась она.

Казалось, ей эта тема приносила и боль и интерес. Она готова была разговаривать на эту тему, сокрушаться на плохую судьбу, но конкретно своей истории не рассказывать.

Фред был готов поддержать ее в этом.

– А какие цветы ты любишь? – спросила вдруг она, искоса поглядывая на папоротники.

– Сложный вопрос, – выдал Фред, тоже разглядывая землю, – дай подумать.

Мелинда усмехнулась, а между тем сказала:

– Я люблю пионы. Они просто великолепно пахнут. Правда, помимо меня, эти цветы так же очень любят местные насекомые.

Фред продолжал молчать, представляя себе запах пиона. Но представить он себе его не смог, потому что не обращал на него никакого внимания до этого момента.

– Маки, кстати, пахнут просто ужасно, – продолжала девушка. – Я не понимаю тех, кто любит маки. Ты вот любишь маки?

– Я люблю, – раздался тонкий голос, явно не принадлежащий ни Фреду, ни самой Мелинде.

Видимо, говорил кто-то третий. Мальчик вскинул голову, и сердце его упало.

– Особенно маки с шипами, такие кроваво-красные или желтые, – говорила Констанция, не двигаясь с места.

Мелинда улыбнулась, словно увидела отклик в ком-то, кто так долго ее игнорировал.

– Кто ты, путница? – спросила девушка, пристально вглядываясь в нее.

– Я посланница, – ответила Констанция, делая шаг.

Совсем недавно Лер действительно сказала так. И Констанция была готова в это поверить.

И поверила.

Фред стоял удивленный, он не мог понять этой игры, не мог вникнуть в ее правила, а поэтому не принимал участия и молчал, опустив голову.

Было видно, что Мелинда встрепелась.

– Кто тебя послал? – крикнула она.

– Твой «хозяин» прислал меня сюда, – спокойно сказала девочка и глаза девушки, стоящей напротив, округлились.

Раз Ронк попросила называть *его* «хозяином», Констанция не упустит случая ввести в замешательство остальных членов этой странной игры.

– У... У меня нет хозяина, – сказала Мелинда, вновь приобретая прежний вид веселящейся дамы.

Констанция хмыкнула, отмечая, что ее шутка не удалась. Она с детства не умела шутить.

– Я знаю, – последовал ответ. Воцарилось молчание. Констанция вдруг улыбнулась и чтобы произвести еще большее впечатление, сказала, тем самым сразив Мелинду наповал:

– Фред, я шла за тобой.

А вот это было правдой. Каким бы повесой Фред ни был, его удастся неплохо эксплуатировать в будущем.

Названный вскинул голову и удивился еще больше, чем прежде.

Сердце его вновь упало, а потом забилось бешеным ритмом где-то в висках. Вокруг него все гудело, все стучало и билось. Мелинда была удивлена практически так же, если не больше.

В ее голове произошел сбой, а потом выскочило сообщение: «Она знает его имя, она знает его имя... его имя... она... пришла за мной».

Она побледнела, схватилась за голову и до боли сжала волосы. А потом вдруг упала на колени и пробормотала:

– Прости за грубость, посланница. Но к-камень, он со мной. П-прошу, пощади.

Теперь удивилась и сама Констанция. Ее лицо вытянулось, она непонимающе взглянула на Фреда. Тот пожал плечами, а девушка продолжала сидеть на коленях, опустив голову. Вдруг появился запах. Едкий, пропитанный болью, при чем душевной. Он казался четким и сильным, но это было далеко не так. Страх намеренно усилил этот запах, чтобы Констанция попала в ловушку, о которой потом пожалеет.

Боль исходила от Мелинды, сидящей и всхлипывающей. Она окружала девушку двадцати двухградусным галом, круг мягкого фиолетового света вился прямо возле ее головы. Так она была похожа на святую.

Девочка подошла к девушке и села рядом с ней.

– Расскажи, что с тобой случилось.

Мелинда продолжала всхлипывать, придерживая лицо руками. Иногда припадок доходил до той степени, когда Мелинда готова была порвать кожу на своем лице. Фиолетовая дымка стала гореть еще ярче. У Констанции сводило все внутренности от этой игры с ее обонянием. Она попыталась задержать дыхание, но чуть не вскрикнула от боли. Дышать ртом тоже не получалось; тело все равно сводило от голода.

Фред, крайне удивленный, сел с другой стороны от плачущей девушки и, положив руку ей на плечо, тихо проговорил:

– Пожалуйста, расскажи нам, что случилось.

Мелинда подняла голову и, еще раз всхлипнув, прерывисто заговорила. Пока боль не ушла, Констанция вдохнула ее в себя, перед этим сказав, что если что-то изменится, она не волновалась.

А что-то действительно изменилось. Сердце, ноющее до этого момента, вдруг перестало болеть и обрело покой, застучав ровно. Страх начал оседать и Мелинда, осмотрев Фреда и Констанцию, начала свой рассказ.

5 глава. Мелинда

*Душевная боль хуже телесной: тело мучится лишь бурями
настоящего, а душа – и прошлого, и настоящего, и будущего.*

А. Домбровский «Сад Эпикура»

Она начала свой рассказ с самого начала, когда была еще совсем крохой, маленьким несмышленым ребенком. Тогда у нее пропал брат. Стивен был очень хорошим человеком, только слишком любопытным. Сложно присвоить любопытство к плохим чертам характера или хорошим. Кого-то это самое любопытство чуть не загнало в могилу, а кому-то даже спасло жизнь.

Любопытство Стивена можно было причислить к плохим чертам, потому что оно его и погубило.

Бесконечные гуляния, отсутствие дома уже стало привычкой. Вся его жизнь была беззаботной ответственностью, которую он то принимал, то отказывался от нее. Его мучили кошмары тех мест, где он побывал. Что самое странное – он любил эти кошмары. Они загорали в нем сильный огонь, подстрекающий на подвиги.

Но беззаботность кончилась, как только Стивен прибежал домой, весь взмокший и испуганный.

– Мелинда, – проговорил он, мечась взглядом от одного родственника к другому. – Мне нужна Мелинда.

Тогда она была еще маленьким ребенком, который только-только научился ходить. Она остановилась в дверях и вопросительно оглядела столпотворение. Сложно было сказать, что она чувствовала в тот момент, и помнила ли его вообще.

Стивен, со слезами на глазах, подбежал к ней, но не обнял и не поцеловал, как обычно, а просто присел, чтобы быть ее роста.

– Если бы ты знала, что сейчас произошло.

Мать вопросительно уставилась на сына, но тот не видел ее взгляда.

– Я нашел самое прекрасное, что есть в мире, – с воодушевлением произнес он, залезая в карман.

Мелинда с интересом наблюдала за его лицом, понимая, что он испуган, несмотря на счастливые нотки в голосе и улыбку.

– Смотри, – он показал ей камень. Самый обыкновенный камень, каких на свете было миллион.

Отец, до сего момента молчавший, заговорил с осторожностью:

– Ты конечно молодец, Стив, но грязный камень явно будет Мелинде не по вкусу.

Осуждать детей в этот период их жизни было очень опасно, ибо они могли легко выйти из-под контроля, совершить глупый поступок, который испортил бы им всю их дальнейшую жизнь. Отец Стивена прекрасно это понимал. Но мальчишка лишь отмахнулся, продолжая настаивать взять этот камень.

Вдруг глаза матери блеснули и она, присев рядом со Стивеном, отобрала у него этот злосчастный камень.

Мальчик, крайне удивленный, взглянул на мать. Та передала камень отцу и заявила, громко и грозно:

– Не смей приносить домой грязный хлам! Мелинда слишком мала, чтобы правильно обращаться с такими вещами.

Отец же, поглядев на камень с какой-то личной неприязнью, выбросил его в окно.

Тут со Стивеном что-то произошло. Он, как ненормальный, забился в припадке, выкрикивая несвязные между собой фразы:

– Камень... Мой камень, зачем?! Вы не понимаете, что де... Что вы делаете? Я искал... Год, три, искал... А вы взяли и выкинули... Посланник! Он придет за ней, если я не отдам камень, верните!

Потом с ним сделалось что-то и вовсе страшное. Он стал царапать свое лицо, грудь, кусать губы до посинения и, в конце концов, рвать волосы. Мать подхватила Мелинду и увела ее наверх, а отец пытался успокоить взбесившегося сына.

Он хватал мальчика за руки, пытался удержать лицо в своих ладонях, старался остановить извивающееся тело.

Но Стивен словно стал сильнее, буйство только усиливалось.

Отец кричал на него, пытаясь успокоить, но тот словно не слышал. Потом вдруг Стивен выдернул руки из хватки папы и убежал из дома.

Родители надеялись увидеть его к вечеру, или, может, к утру следующего дня, но он так и не появился. Его не было ни через неделю, ни через месяц, ни через год. Поиски были тщетны, он бесследно исчез.

Мелинда росла, теперь ей было шесть лет, которые она проводила так же, как и ее брат. Она исследовала новые территории, подолгу проводила на улице и очень поздно возвращалась. Правда, дальше двора она не уходила, но надолго пропадала там, ковыряясь в высокой траве и отдыхая в прохладных кустах.

Как-то раз, потерявшись в траве, она вышла в заднюю часть дома и заметила, как на земле что-то блестит. Ее пухлые пальцы разрыли землю, найдя тот самый камень, который брат так пытался ей дать. Она взяла его в руки. Тут ей подумалось, отчего исходил блеск, если камень полностью черный, да еще и матовый?

Она, немного поиграв с ним, оставила его там же, где и откопала, и совсем о нем забыла.

Прошло три года, которые, честно сказать, прошли трудно для всей семьи. Мама вдруг захворала, а папа перестал приносить деньги в дом. Мелинда боролась с болезнью мамы травками, о которых что-то давно читала, но перепутала все так, что чуть не приблизила смерть дорогого родителя. Денег на лекарства не было, но девочка уговаривала родителей не отчаиваться, ведь все плохое рано или поздно сменяется хорошим.

Тогда мама рассказала девочке про ее пропавшего брата. Сначала Мелинда подумала, что мама бредит от крапивного супа, но когда та заговорила о камне, который Мелинда нашла в земле, девочке стало не по себе.

Мама вскоре выкабалась из болезни, а Мелинда подросла на еще один год.

Ее голова вдруг заполнилась сложными, непонятными мыслями, которые она сама понимала не всегда. Каждый год девочка все больше преображалась, находила в себе ранее скрытые черты и удивлялась некоторым своим поступкам.

Спустя три года Мелинда вновь нашла забытый камень и решила оставить его у себя.

Тут отец стал подолгу где-то пропадать. Наверное, мать бы совсем сошла с ума, если бы Мелинда каждый раз не подбадривала ее, заставляла верить в чудо. И мать верила, пока это не вошло в привычку.

Когда отец пропал не на две недели, как обычно, а на месяц, Мелинда почувствовала, что мир начал рушиться. Ее природная позитивность завяла, иссохла и отвалилась. Все было бы плохо, если бы не мать. Теперь она пыталась вновь вырастить в дочери надежду, утешая ее. Так они помогали друг другу до определенного времени, желая, чтобы все это поскорее кончилось.

Казалось, что весь этот кошмар никогда не закончится, пока отец вдруг не вернулся, да еще и с деньгами. В нем виделась сильная, очень явная перемена характера. Мысли, которые Мелинда понемногу стала понимать, подсказывали ей, что отцу пришлось пережить что-то серьезное, раз его характер так сильно изменился.

Когда первый восторг отошел, отец продолжал куда-то уходить, но возвращался всегда с деньгами.

На четырнадцатилетие Мелинде подарили первое в ее жизни украшение. Золотой кулон в виде капли, внутри которого было пусто. Девочка сразу же нашла, что туда поместить. Черный камень, единственное напоминание о пропавшем брате. И, кажется даже, совсем незнакомом.

Мама, порядком постаревшая от переживаний, вновь расцвела, стала часто улыбаться и совсем перестала волноваться по каким-либо причинам.

Однажды отец подозвал к себе мать и заперся с ней в комнате. Сидевшая рядом на коврике Мелинда в сотый раз разглядывала камень, выискивая какие-то новые складки или счесы.

Громкий вскрик матери заставил девочку встрепенуться. Она тихо подбежала к двери и прикинула к щели.

– Да тише ты! – зашипел отец.

Наступила пауза. Сердце девочки беспокойно забилося, предчувствуя неладное.

– Я пропал на месяц, потому что нашел *его*, – очень тихо донеслось из-за двери.

Мать, непонятно отчего, молчала. Может, догадалась, о ком речь и изобразила немое удивление, а может – вовсе никак на это заявление не отреагировала.

«Из-за чего она кричала?» – в моменты пауз думала Мелинда.

– Я как обычно шел в таверну, – ну не смотри так на меня! – и меня у самых дверей кто-то схватил за запястье. Это был *он*, я уверен по той простой причине, что он назвал меня «отец». Слышно было плохо, он произнес это вполголоса, вокруг шумели, но я четко расслышал это слово, даже по его губам прочел.

Опять тишина. Мелинда чуть не вскрикнула вместо матери. Она поняла, о ком идет речь, и сердце ее чуть не взорвалось.

– Только т-ш-ш. Он сказал мне, что у него все хорошо, но он был бледен. Как думаешь, он не заболел?

Какой-то неразборчивый ответ мамы. Голос ее очень дрожит, она еле сдерживается, чтобы не зарыдать в голос.

– Да, да, вот и я так подумал! Он стал таким взрослым, я с трудом узнал его.

Мелинде стало не по себе. Он, ее брат, жив?! Ей нужно срочно найти его и спросить о камне, который он ей дал.

Она хотела уже отойти от двери, как вдруг опять услышала голос отца, немного испуганный:

– Мелинда будет растеряна, если узнает, что он жив.

Но она совсем не растеряна, отнюдь. У нее в голове уже сложился дальнейший план действий.

– Почему же он не вернулся нас повидать? – все еще дрожащим голосом спросила мать.

– Я ж говорю, именно поэтому: он боится нашей реакции.

– Почему же он тогда подошел к тебе?

До этого момента отец говорил охотно, но сейчас растерянно замолк. После попытался выдать какие-то оправдания, но выходили только звуки.

– Он... бог, – пробормотал, наконец, он.

Мелинда заинтересовалась еще больше прежнего. Ее лицо приобрело странный румянец, она явно была взволнована.

– Бог?

– Все! Больше ни слова не скажу! – вскричал отец, но потом шикнул сам на себя. – Черт.

После этого разговора Мелинда ходила белая, как смерть. Ее сизые глаза – единственное, что имело цвет на лице.

– Уж не заболела ли ты? – спрашивала ее мать, трогая щеки.

Мелинда мотала головой и спешила каждый раз выйти на раскаленную в то время улицу.

Минуло два года, невероятно простых для родителей и сложных для девушки. Она вновь приобрела румянец, стала улыбаться, разговаривать и ухаживать за постаревшими родителями. К камню она относилась как ко всем обычным вещам, брата вспоминала редко.

Умные мысли стали исчезать, поэтому девушка подпитывала их книгами.

Внезапно отец умер, не оставив двум женщинам ни гроша. Надо было зарабатывать, но мать была слишком стара и слаба, поэтому эта забота переходила к Мелинде. Она старалась найти хорошую работу, которая будет ей по рукам.

Но такие же девушки как она, эту работу разобрали, оставив только самую сложную и тяжелую. Мелинда понимала, что шансов уже нет, но продолжала искать.

Вернувшись домой после очередного дня, девушка села на пол и уставилась на свои уставшие и гудящие ноги.

– Мелинда, – крикнула мать, подходя к девушке.

Та слабо повернула голову.

– Я опять потерпела неудачу, – заговорила она, чувствуя себя крайне виноватой.

– О, не беда. Пришло письмо от моего знакомого, он готов взять тебя на работу к себе.

В груди что-то перевернулось. Девушка вскочила, готовая обнять мать, но та остановила ее:

– Туда будет далековато, но ты справишься. Да?

На секунду Мелинда замерла в раздумьях. Ей хотелось отказаться, но бедственное положение семьи переубедило ее.

– Тебе хватит денег? – спросила девушка, вспоминая, сколько лежит в копилке.

– Да! Еще месяца два проживу! – весело отозвалась старушка.

Мелинда улыбнулась ей, и пошла паковать вещи.

На следующий день она уже спешила по ухабистой дороге, направляясь к деревне.

Ближайших планов у девушки не было. Ей нужно было лишь добраться до деревни, а там бы она уже решила, остаться ли ночевать в ней или двигаться дальше.

Когда Фред спросил, сколько Мелинда уже в пути, та ответила, что около пяти дней.

Остановиться в деревне она не захотела, решила, что это значительно увеличит путь и укоротит время, а через двадцать дней она уже должна будет быть там.

Первый день она только училась преодолевать далекие расстояния, а потому не отвлекалась на деревеньки и шла до тех пор, пока не наступило утро следующего дня. Тогда ноги ее отказали в ходьбе, и она устроила первый привал.

Мелинда ожидала, что отдохнет час или два и вновь пустится в путь. Но, к ее удивлению, ноги и через час и через два ходить не могли. Тогда она осталась до самого вечера и ночью, незаметно для себя, уснула.

Третий день она рьяно наверстывала упущенное время, много бегала и крайне мало останавливалась.

Вечером силы ее покинули, и она опять устроила привал до четырех утра следующего дня.

Мелинде казалось, что она топчется на месте, идет по кругу и вообще даром теряет время.

В этот день она шла уже как обычно, никуда не спеша, но и не останавливаясь. Она решила, что какими бы темпами не шла, все равно время потеряет одинаково, поэтому незачем было бы напрягаться.

Проходя какую-то деревню, девушка заметила кого-то, сидящего на крыше и медленно тянущего звуки.

Мелинда хотела пройти мимо, но сидящий на крыше ее остановил:

– Куда в такую жару можно так спешить? Прекрасная погода!

Мелинда замерла, не понимая, кто говорит и кому. Как оказалось, говорил какой-то Мэт и говорил именно с Мелиндой.

– Извините, но не ваше дело, – коротко бросила девушка, когда оправилась от испуга.

– Зачем ты извиняешься? – спросил незнакомец, подходя к краю крыши, чтобы получше разглядеть девушку.

Мелинда предпочла промолчать, а парень продолжал:

– Идешь на юг? – утвердительный кивок Мелинды, – А чем тебе здесь плохо?

– Не знаю. Наверное, ничем.

Незнакомец вдруг спустился, подошел к девушке и протянул свою смуглую руку.

– Мэттью, – сказал он, смотря прямо в глаза девушке.

Та же мгновенно пожала ее, не сказав ни слова.

– Значит, предпочитаешь остаться неизвестной, – заключил незнакомец и хмыкнул.

– Я все равно надолго здесь не задержусь, – холодно ответила Мелинда, разрывая рукопожатие.

Мэт кивнул, словно прекрасно это знал.

Мелинда еще раз оглядела человека и продолжила свой путь.

– погоди! – крикнул он и догнал девушку.

Он разговаривал с ней до самых сумерек, подводя ее к лесу. Когда стемнело, он сказал серьезно и быстро:

– Счастье ждет тебя там, куда ты направляешься. Ты, наконец, будешь счастлива.

Мелинда округлила глаза, смотря куда-то сквозь этого человека.

– Это просто пожелание, я не предсказываю будущего. Не бойся, – шутливо добавил он.

– А звучит совсем наоборот.

Напряжение понемногу ушло, и девушка тепло распрощалась с новым знакомым.

Идти в лес ночью не было смысла, и девушка переночевала на лугу около деревеньки.

На пятый день она поспешила умыться от дорожной пыли и луговой почвы и, выстирав свои вещи в речке, оставила их в папоротнике. Сняла она не все, опасаясь каких-либо животных или путников.

И тут мимо прошел Фред, остановившись, как назло, прямо напротив нее. Мелинда, прячась под водой, перестала слышать шелест и треск. Подумала, что ушел. Стала медленно выныривать.

Он смотрел, чтобы понять, что в происходит в речке, а она решила, что смотрит он именно на ее вещи, лежащие в папоротнике.

И теперь она здесь, сидит в сырой одежде под деревом и смотрит на сидящего напротив Фреда и чуть поодаль Констанцию.

В период всего рассказа Фред задал около десяти вопросов, а Констанция – ни одного. Она все время молчала, уткнувшись в свои колени или руки. Иногда смотрела по сторонам, рассматривая грызунов на деревьях.

– А она что, правда посланница? – спросила Мелинда, кивая головой на девочку.

Та, замечая, что разговор пошел о ней, повернула голову.

– Она? – Фред оценивающим взглядом окинул девочку, – Да ну, нет, конечно.

Они вдвоем ждали, что Констанция как-то отреагирует на это заявление, но она продолжала молчать, чувствуя внутри себя давящую и рвущую одновременно боль.

– Должна признаться, ты здорово меня напугала, Констанс, – сказала Мелинда, перекидывая свои волосы на плечо.

– Констанция, – сказал Фред. Было неясно, то ли он обращался к носителю этого имени, то ли поправлял Мелинду.

В любом случае, Констанция ему не ответила, а он не стал продолжать тему.

Они сидели, глядя друг на друга в виде треугольника до тех пор, пока Фред не встал, сказал:

– Ну, надо бы двигаться в путь. Кто куда и с кем идет?

Мелинда явно размышляла, а она здесь была единственным собеседником. Констанция хмуро окинула взглядом мальчика, мысленно заставляя его вспомнить, зачем вообще пришла. И он вспомнил.

– Раз Констанция пришла за мной, а не за Мелиндой, я пойду с ней. У тебя, наверное, другой путь?

Девушка улыбнулась, поджав губы.

– Да, совсем иной, – а после спокойно добавила: —

Но каждая встреча всегда имеет ворох вытекающих из нее последствий. И раз уж встреча произошла – будет еще одна.

Повисла пауза. Фред, сбитый с толку, переводил взгляд то на девушку, то на Констанцию, ожидая объяснений. Но их не последовало.

Констанция улыбнулась, зачем-то кивнув девушке.

Фред бросил взгляд на волосы девочки. Ее черные локоны туго перевязывала красная лента, которую он совсем недавно нашел.

– Э-эм, – выдал он, растерянно смотря на Констанцию.

Та вопросительно взглянула на него, он показал ленту.

– Я нашел ее в реке... Думал, твоя.

Сначала Констанция молча буравила взглядом эту ленту. Затем, вспомнив что-то, улыбнулась, да так, что чуть не рассмеялась во весь голос.

Фред, почувствовав себя глупым, все же сдавленно улыбнулся. Мелинда наблюдала за ними поодаль, а потом не выдержала и подошла.

– Лента? – бросила она взгляд на руку Фреда. – Вы из-за этого такие веселые?

Констанция вновь приобрела серьезность, а Фред посмотрел на свою руку.

– Ты случайно ленты красной не теряла? – спросил он, поднимая на Мелинде взгляд.

Та взглянула на него с такой мягкостью, добротой, заботой, словно он был самым важным для нее человеком, самым первым и последним. Короче, единственным.

– Теряла, – не отрываясь от его взгляда, проговорила девушка.

Уже начинало темнеть, и было вполне вероятно, что хищники, скрывавшиеся все это время где-то в недрах леса, захотят выйти наружу и полакомиться свежим, незащищенным мясом. Констанция отвернулась от них и стала искать палки для костра.

– Тогда держи, это твое, – Фред как-то неуверенно отдал ленту хозяйке и вздохнул.

Мелинда состроила что-то наподобие улыбки, а потом душевно и искренне обняла мальчика, сказав:

– Спасибо, что выслушал.

– Ну, – сконфуженно проговорил Фред, – я был не единственным слушателем.

Он мягко отстранился, выискивая взглядом Констанцию. Но та скрылась из виду, будто ее и не было здесь вовсе.

– Но вы действительно помогли мне, – начала она, но запнувшись, замолчала.

– Ты просто высказалась и тебе стало легче, – сказал Фред, слегка улыбаясь.

– Но без вашего толчка я бы до сих пор держала все в себе и стгорала от этой боли всю свою жизнь. Спасибо вам за все.

Она не сводила благодарного взгляда с Фреда еще примерно пять секунд. Потом, заметно взволнованный, Фред произнес:

– Скоро вечер, а здесь, в лесу, есть дикие крупные звери. Не хотелось бы наткнуться на них ночью.

– Как удачно я собрала хворост.

Констанция вышла откуда-то сзади, с укором глядя на Мелинду. В ее руках находился ворох палочек, бревнышек, сучков и веток.

– О, – только и смог выдавить Фред.

Констанция без слов передала хворост мальчику и повернулась к Мелинде, по-прежнему смотря на нее с подозрением.

– Твоя боль слишком слабая, – вдруг начала она без прелюдий.

Мелинда вздрогнула и лицо ее скривилось.

– Да она даже слабее боли растений!

Кажется, тут девочка продумала все наперед. Фред, занятый непослушным хворостом, пытался запихнуть его в сумку, перевязать чем-то. А потому не мог остановить бурный поток ругани Констанции:

– Боль всегда такая слабая, или ты просто ее пережила? – грубо осведомилась девочка.

Мелинда стояла, подобная статуе и абсолютно не понимала, о чем ведет речь эта девчонка в желтом платье и плаще, непомерно великом ей.

– погоди!

– Твоей болью только закусывать! – взвизгнула Констанция и резко отвернулась: – Черт!

«Она обманула меня», – звучало в голове девочки, пока она до боли сжимала кожу на локтях.

Мелинда опять замолчала и лишь ее глаза, устремленные на Констанцию, спрашивали обо всем, что тут сейчас было.

Констанция вдруг пришла в себя и сев рядом с Фредом, стала тихо объяснять.

– Ваша боль – очень важная вещь, которой мне нужно поддерживать свое существование. Боль утоляет мой голод. Вы должны понимать, что если я прошу вас причинить себе боль – значит это необходимо. И не нужно лишних вопросов, они... ну, в общем, я их не люблю. Думаю, не стоит окуна́ть вас в подробности, тем более что я сама как следует в них не разобралась, но сказать стоит то, что душевная боль – самая долгая из всех. Поэтому меня так разозлил этот случай с тобой, Мелинда.

Она говорила непрерывным потоком, как-то не выделяя интонацией запятые и точки, а потому, ее резкое молчание немного их удивило.

Мелинда переосмыслила эту информацию заново и чуть не рассмеялась от ее вздора.

Фред поверил в историю больше, чем Мелинда, ибо на личном опыте убедился в том, что Констанция может ее вдыхать в себя, избавляя других людей от страданий.

– Как ты удачно собрала хворост, – сказал Фред, вставая.

Констанция улыбнулась, а потом произнесла:

– Нам надо уйти из леса до темноты.

Они, оглядев друг друга и все, что простирается вокруг них, пошли вверх по реке.

Позже Мелинда взяла инициативу в свои руки. Она вышла вперед, диктовала, где лучше пройти и куда лучше свернуть. Фред иногда создавал споры, ибо был не согласен с тем, что говорит Мелинда. Констанция вновь умолкла, ее лицо опять стало каменным.

Пройдя приличное количество времени, они так и не вышли из леса, хотя порядком стемнело.

– Привал, – объявил Фред, перебивая Мелинду, которая хотела только что что-то сказать.

Хворост плавно опустился на землю. Констанция мирно села рядом с палками и, не обращая внимания на перебранку ведущих, осмотрелась. Сейчас ее дыхание замедлилось, она стала проверять, не жжется ли кислород.

Пока все было нормально, но еще немного и девочке придется искать подпитки.

Вокруг были лишь деревья. Огромное количество высоких, густых деревьев, ни одного животного.

Даже белки исчезли.

– Ты хоть понимаешь, что привал в лесу опасен? – взвизгнула Мелинда.

Фред непоколебимо возразил:

– Но идти куда-то наугад всю ночь – тоже затея так себе.

– Да почему наугад? Мы движемся на юг, там выйдем из леса и устроим привал.

– А ты не подумала, что лес может быть очень раскидистым? Мы не знаем, где кончается лес, а потому можем идти к его концу хоть до следующего вечера. А это плохо, мы можем без сил упасть.

– Ты недооцениваешь способности человека, – заявила Мелинда и решительно добавила: – я иду дальше.

– Тогда прощай, – улыбнулась Констанция, помахав рукой на прощание.

Мелинда взглянула на девочку так, словно вдруг собака подала голос, о котором ее не просили прямо посреди театрального зала.

Мелинда двинулась было вперед, но остановилась, собираясь что-то сказать, но Фред ее перебил:

– Ладно, подожди. Иди сюда, мы что-нибудь придумаем.

В положении они оказались действительно затруднительном. Скоро стемнеет окончательно, а конца лесу не видно; нет и речи о том, чтобы идти куда-то на ночь глядя. Но и оставаться на ночь здесь было бы опасно, хоть ничего и не остается.

На нос Констанции упала первая тяжелая капля. Девочка дернула носом, сама вздрогнула и накинула капюшон, показавшийся ей невероятно тяжелым и горячим.

– Что это? – задал Фред вопрос скорее риторический, нежели обычный.

Мелинда как-то странно на него посмотрела, непонятно сморщилась и взглянула наверх, ожидая что-то увидеть. Но там, вверху, была лишь обильная листва.

– Я говорила, что пойдет дождь, – довольно сказала Констанция, вставая.

Интервал участился, и капли стали капать больше и быстрее. После пошел ливень.

Плащ надежно защищал своего носителя, но этому носителю было несколько неудобно смотреть на промокнувших мальчика и девушку, а потому Констанция решила куда-то пройти.

– Далеко не уходи, – сказал ей в след Фред.

Девочка же пробиралась сквозь папоротники, пока не обнаружила запах.

Нужный ей запах.

Он был так близко, но в то же время было не понятно, откуда запах именно исходит.

Констанция обернулась, отмечая, что ее спутники на месте и двинулась куда-то, осматривая все вокруг.

Дождь лил, и плащ стал невероятно тяжел. Он буквально вдавливал девочку в землю, мешая свободно передвигаться.

Лес неожиданно преобразился. Стал блестящим, каким-то темным и загадочным, неестественно мокрым и вообще был похож на дремучий, тот, в котором дальше носа ничего не увидишь.

Листья папоротников, словно раскисшая бумага, отваливались, и падали в бесформенную кучу чего-то мокрого, зеленого и странного.

Конечно, листья не могли так раскисать. Либо дождь необычный, либо с лесом что-то не так, либо у Констанции галлюцинации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.